

КОГДА
ПРОШЛОЕ
САДИТСЯ НАПРОТИВ

ИРИНА С. ЖИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина С. ЖИ

Когда прошлое садится напротив

«Автор»

2026

С. ЖИ И.

Когда прошлое садится напротив / И. С. ЖИ — «Автор», 2026

14 лет брака. Первая большая выставка. Жизнь, которую Лина когда-то собирала буквально по кускам. Она давно научилась не думать о прошлом. Не вспоминать человека, после которого осталась привычка всё держать под контролем. Не задавать себе лишних вопросов. Не вслушиваться в сны, которые возвращаются снова и снова. Со стороны её жизнь выглядит красивой и правильной: успешный муж, искусство, светские вечера, разговоры о будущем. Но иногда достаточно одного незначительного момента, чтобы внутри что-то едва заметно сдвинулось. И тогда становится страшно не от прошлого. А от мысли, что однажды можно проснуться рядом с человеком, которого любишь и больше не чувствовать себя счастливой.

© С. ЖИ И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	49

Ирина С. ЖИ

Когда прошлое садится напротив

Глава 1

Пробуждение было резким, почти болезненным.

В ярком солнечном свете на мгновение показалось, что он всё ещё здесь. Тот, кто бесследно ушёл пятнадцать лет назад, оставив после себя раздражающее молчание. Спустя столько времени исчезновение уже не кажется странным. Гораздо удивительнее другое: он возвращается ко мне каждый год. Приносит с собой те же чувства и ощущения — только во сне.

Слишком приятный, наполненный оргазмами кошмар, после которого весь день уходит на то, чтобы прийти в себя.

— Опять зомби? — промурлыкал хриплый голос самого лучшего мужчины на свете.

Да. Зомби.

Муж давно привык к тому, что мои сны — смесь «Отчаянных домохозяек» с «Ходячими мертвецами», щедро приправленная «Бойцовским клубом».

— Да, любовь. Опять. — Голос прозвучал чужим. Вместе с выдохом я попыталась вытолкнуть прошлое.

Хуже измены — проснуться рядом с мужем после сна о другом мужчине. Чьи прикосновения оставили осязаемый след. А на губах — вкус его поцелуя.

Руки любимого пробираются под одеялом всё ближе. От знакомого тепла его кожи внутри стало тихо. Сердце наконец перестало колотиться где-то в горле. Зарываюсь в объятия, как в самое безопасное место на свете. Вдыхая его запах, снова проваливаюсь в сон. На этот раз — без непрошенных гостей.

Трезвон будильника вырывает обратно в утро. Лео рядом уже нет. Из ванной доносится шорох, и я, мягко ступая, подкрадываюсь посмотреть, как одевается любовь.

Дверь скрипнула.

Лео дёрнулся так резко, что телефон подпрыгнул. Он убрал его в карман и криво улыбнулся.

— Ты меня напугала.

И на секунду — всего на секунду — в его взгляде мелькнуло что-то детское, виноватое. Как у мальчишки, прячущего подарок.

— Выспалась?

— Почти. Помнишь, какой в пятницу день?

— Конечно! — Слишком быстро. Слишком уверенно. Рука снова скользнула в карман. Тихий щелчок блокировки телефона.

В животе неприятно потянуло.

Потом он взял мои ладони и привычно прижал к губам. Нежно. Почти машинально.

— Давай в этот раз как нормальные люди: ресторан, отель и игра в «мы только познакомились», — прикусила губу, изображая клишированную обольстительницу.

— Можно и так. Но мне будет сложно отменить уже забронированный полёт в космос.

— Ха-ха. Постарайся, пожалуйста. Надеюсь, предоплату вернут.

Лео рассмеялся. Запрокинув голову, вышел из ванной. Взял со стула джинсы и направился к кухне.

— Сладкая, нас пригласили на ужин. Пойдём в среду?

— Кто? Я их знаю?

— Не думаю. Это новый партнёр, на встречу с которым я летал в январе. — Он взмахивает вилкой над тарелкой. — Их компания слилась с нашей. Теперь они отвечают за безопасность.

— С пистолетами или ноутбуками? — с ухмылкой уточняю.

— С ноутбуками, что иногда пострашнее оружия. После последней утечки мы основательно прошлись по всем сотрудникам и выявили пару кротов. — Лео поставил пальцами кавычки в воздухе. — Пару — в прямом смысле. Жених с невестой решили заработать себе на свадьбу. В итоге правосудие подарило им медовый месяц в разных камерах.

Он усмехнулся, но как-то без удовольствия. Нож слишком резко царапнул тарелку. Скрежет прошёлся по нервам.

— Романтично, — поджала губы и после короткой паузы перевела тему. — Хорошо. Ужин так ужин. Мне принарядиться?

— О да. Все должны знать, какая у меня жена красавица.

Уголок губ дёрнулся вверх, только улыбка вышла запоздалой. Он покрутил вилку в пальцах и вдруг снова вернулся к прошлой теме:

— И знаешь, что самое глупое? Они работали в компании семь лет. Были на хорошем счету. И никто бы никогда не подумал на них...

— Разве в законах мироздания нет пункта, что предают именно те, от кого меньше всего ждёшь?

Ответа не поступило. Он лишь, слегка покачивая головой, уткнулся в тарелку.

Стол завибрировал, экран загорелся.

— Чёрт.

— Серьёзно? В субботу?

— Ты же знаешь... — Он торопливо глотает воду, почти давится, отвечает на звонок перед выходом. — Минуту.

Уходит в кабинет. Дверь закрывается. Я остаюсь за столом одна.

— Ладно, — бросаю ему вслед. — Как раз собиралась провести романтическое утро с кофе.

Дверь кабинета уже закрылась.

— И с самой собой, — договариваю тише, машинально подтягивая рукава свитера к ладоням.

***

Четырнадцать лет назад

Эн: Он классный парень. Сходи, развейся. Не обязательно потом с ним встречаться.

Я: Боже, какая глупость. Я могу развеяться и без мужика.

Эн: ПРОСТО СХОДИ!!!

Морщась от остывшего кофе, мысленно соглашаюсь, но не отвечаю на сообщение. Тут же приходит второе.

Эн: Бар «19», в 20:00. Сегодня!!!

Подружилась на свою голову. С другой стороны — она и правда старается для меня. Наверное, в двадцать лет полгода после разрыва — это уже срок, который пора кем-то заполнить. Не для любви, так для развлечений и плотских утех.

Открываю шкаф. И внутри мгновенно просыпается та самая девочка, которая сегодня хочет блистать. Будто я всегда так выгляжу. И не перебираю одежду уже двадцать минут, пытаюсь случайно стать незабываемой.

Белый топ-корсет и джинсы, в которых моя задница выглядит так, будто у неё есть собственные планы на вечер? Или чёрное моделирующее платье приличной длины, но с открытым декольте?

Платье. Определённо.

Накидываю его вместе с плечиками поверх старой пижамы с котиками.

— О, привет! — протягиваю руку для поцелуя и тут же морщусь себе в зеркало.

Чтобы добраться вовремя, нужно было выйти десять минут назад. Нанося перед зеркалом свою любимую красную помаду, я вдруг замерла на полпути.

Это его любимая помада на моих губах.

В глазах зашипало. Я быстро сморгнула влагу и потянулась за полотенцем. Смочила белую ткань и безжалостно начала стирать губы. Сняла платье — сорвала его с себя, словно оно было повинно в моих душевных терзаниях, — и швырнула обратно в шкаф. Взяла джинсы, чёрный кроп-топ, сверху накинула безразмерную ретро-косуху, доставшуюся от старшего брата Энн.

Гулять так гулять.

Бар, на удивление, оказался приличным. Разговоры компаний заглушали живую музыку. У барной стойки мест почти не было, столики заняты. В воздухе витал лёгкий дым от кальянов с пряным ароматом.

Живот скрутило узлом, когда я обнаружила, что забыла телефон. Мои глаза скользили от парня к парню в поисках того самого.

— Чёрт... — осознав, что я даже забыла, как его зовут, я потёрла лоб и увидела над баром часы. 20:20. Надеюсь, он ещё здесь. Может, узнает меня первым, потому что я понятия не имею, кого ищу.

Присела за столик, который только что освободили и не успели убрать. Махнула официанту.

— Добрый вечер! Секунду, уберу стол. Уже что-то выбрали?

Игривый голос красавчика-официанта вогнал в краску. И здесь так жарко.

— Да, бокал пива, пожалуйста, — его руки, ловко протирающие следы от напитков, гипнотизировали.

— Э-мм... Можно попросить об одолжении?

— О чём угодно, — он сверкнул белозубой улыбкой.

— Я встречаюсь здесь с человеком. И... я... И я... без телефона. Забыла, пока наряжалась. Если будут искать девушку с крайне растерянным лицом — покажите на мой столик, хорошо?

Вот же дура. Одно предложение даже нормально сказать не в силах.

— Спасём ваше свидание. Без проблем. Хорошего вечера!

Да уж, было бы славно. Я уже тысячу раз пожалела, что вообще сюда притащилась. Возможно, его смутило моё опоздание, и он ушёл. Или подцепил кого-то менее проблемного у барной стойки.

Потягиваю своё пиво, продолжая искать глазами, не привлекая внимания.

Вдруг к официанту подошёл парень и неуверенно махнул в мою сторону. Тот кивнул.

Нашёл.

Я вытянула каждый позвонок, отрываясь от спинки стула. Симпатичный — надеюсь, не придурок.

Он направился ко мне, на ходу поправляя небрежную причёску цвета пасмурного дня. В чёрном костюме, который сюда явно не подходил. Я мельком глянула на свою потёртую косуху.

Чёрт. Надо было надевать платье. Липкость в области подмышек была тому подтверждением.

Старательно делаю вид, что не замечаю его приближения, — что, вообще-то, трудно, когда он уже отодвигает стул напротив.

— Привет. Можно присоединюсь? Или стул занят призраком твоего настроения?

— Привет. Призрак как раз ушёл, так что садись, — я попыталась выдать загадочную улыбку.

— Я Лео, — он протягивает через столик руку.

— Лина, — аккуратно вкладываю свою ладонь в его. На фоне его руки моя кажется совсем кукольной.

— Вау. Лео и Лина? Серьёзно? — его серые глаза с весельем гипнотизируют меня.

— Звучит как название дуэта фокусников из Лас-Вегаса. Или как команда спасателей из вселенной Чипа и Дейла. Тебе больше идут блёстки или бурундучьи уши?

Гул бара отступил. Музыка стало еле слышно. А его улыбка... Улыбка с одной ямочкой — будто природа вовремя остановилась.

— Однозначно бурундучьи уши. Блёстки — это не моё, — я смущённо опустила подбородок, умоляя себя вести адекватно и не нести чушь.

— Так. Кто ты, Лео? Чем занимаешься в свободное от спасения мира время?

— Учусь. Работаю. По кирпичику строю своё благополучное будущее. Готовлю, так сказать, плодородную почву для будущей семьи.

Я едва не поперхнулась пивом, которое как раз принёс официант.

— Семьи? Уже? Ты что, пришёл на свидание с планом ипотеки и списком имён для троих детей в кармане?

— В будущем! — он рассмеялся глубоко и бархатисто. — А ты? Как твои кирпичики?

— А я бросила учёбу. Так что я скорее сношу несущие стены и радостно танцую на руинах, чем что-то там строю.

— Логично, — кивнул Лео с серьёзным видом. — Чтобы построить что-то грандиозное, место должно быть зачищено. Одобряю твой подход экскаватора.

— Пожалуй, надо сменить тему, пока мы не вызвали прораба.

— Да, ты права. Наше знакомство началось слишком банально — с разговоров о стройке, — он подался вперёд, оперевшись локтями о стол. — Давай так: какой суперспособностью ты хотела бы обладать на один день?

— Телепорт. Чтобы сбегать с неловких свиданий... Шучу. Телепорт. А ты?

— Телепорт — выбор прагматика. А я бы взял умение читать мысли... но только у котов. Хочу наконец узнать, о чём они думают, когда смотрят на нас как на обслуживающий персонал у лотка.

— Спойлер, Лео: они думают, что ты недостаточно стараешься.

Я звонко рассмеялась, и последующие четыре часа пролетели как один миг. Нам было легко. Мы болтали о всякой ерунде, спорили о кино, перекидывались шутками, придавая каждой глупой беседе философский подтекст.

Мы вышли из бара. Ночная прохлада заставила меня плотнее запахнуть косуху. Лео стоял совсем рядом. Он убрал прядь моих волос за ухо и спросил:

— Мы ещё увидимся? — он говорил тихо, и я слышала это кожей.

— Если так суждено, — мне до одури хотелось сделать шаг вперёд, прижаться к его сильной груди.

— Оставь свой номер.

Я удивлённо моргнула:

— В смысле? Он же у тебя есть.

— Нет. С чего бы? Или ты успела написать его помадой на салфетке и тайком подсунуть мне в карман? Я бы оценил этот ретро-шарм.

— Эн тебе его оставляла, глупыш, — я снисходительно улыбнулась. В этой шутливой манере я позволила себе прикоснуться к его груди. За мягкой тканью хлопковой рубашки ощущалось твёрдое тело и быстрое биение сердца.

Лео замер. Брови поднялись выше.

— Кто такая Эн?

— Моя подруга. Которая организовала нам... — я осеклась, видя его растерянное лицо.

— Лео, ты же пришёл от Эн?

— Лина, я впервые в жизни слышу имя Эн, — он смотрел на меня так, словно пытался решить сложное уравнение. — Я зашёл выпить, увидел красивую девушку в мужской куртке, которая кого-то ждала и нервничала. И решил попытать удачу.

Моя рука медленно сползла с его груди. До меня начало доходить.

Мой идеальный незнакомец не был моим слепым свиданием. Он был просто парнем из бара, который оказался в нужное время в нужном месте и нагло украл мой вечер у того бедолаги, которого я должна была ждать.

Он был ошибкой.

И именно с неё всё началось.

Глава 2

Сегодня на удивление морозное утро. Странно было наблюдать иней на зелёной траве и только-только распустившихся цветах. Под сапогами хрустел тонкий лёд на асфальте, холодный воздух пробирался до самых лёгких. Люблю прохладу.

Шумный город ещё спал, когда я отправилась в свою студию, чтобы закончить работу, которая должна быть представлена на выставке на следующей неделе.

Студия — мой второй дом. Холодная, просторная, пахнущая сырой глиной и старым деревом. Свет из высоких окон ложился полосами на пол, покрытый засохшими каплями и отпечатками моих босых ног — я всегда работала без обуви, чтобы чувствовать поверхность.

Когда-то всё начиналось куда проще. Бросив учёбу, я лепила маленькие фигурки из дешёвого материала и продавала их на барахолках за копейки. Первые покупатели брали из жалости — молодая девчонка с грязными руками и горящими глазами, стоящая за шатким столиком среди старых книг и чужого хлама. Потом стали брать потому, что нравилось. Потом появились заказы. Потом — эта мастерская и выставки, на которых мои работы уже не стояли на барахолке, а висели на стенах с табличками.

Но внутри я по-прежнему та девчонка с грязными руками. И каждый раз, начиная новую работу, боюсь, что именно эта окажется последней, которую захотят купить.

Над нынешней тружусь уже четырнадцать недель, и осталось всего шесть дней, чтобы внести последние штрихи. Если изначально я чётко знала, что должно получиться в итоге, то теперь из формы проступало нечто совсем иное.

Сбросив серый шерстяной пиджак и поспешно завязав каштановые волосы в узел, встала над своей работой. Мужская скульптура: крепкий, рельефный торс, видна каждая вена, каждая мышца. Фигура стояла, прислонившись к стене, руки опущены, словно устала, и непонятно — это она держит стену или стена держит её.

От одной мысли о предстоящей работе над лицом вырвался громкий выдох.

Звуки скребка заполняли тишину, задавая ритм. Опустившись на колено перед скульптурой, я чувствовала, как деревянный пол больно впивается в худые ноги. Инструмент упал вниз. Закрыла глаза, наполняя лёгкие воздухом — своего рода перезагрузка.

Приклеивая новый пласт, выводила форму, но всё не то. Скребок срезал лишнее, куски падали на пол — каждый слой казался непригодным, хотя всё можно было исправить. Я брала новый и повторяла то же самое.

Провела пальцем по линии скулы. Слишком резкая.

Сгладила.

Получилось мягче.

Почти нежно.

Три шага назад, чтобы оценить «картину» в целом. Тихие движения влево — почти танец.

Я вдруг поймала себя на мысли, что узнаю этот профиль. Очередной выдох — уже нервный, почти рычание. На этот раз сдираю лицо руками. Материал под пальцами мягкий, податливый, будто масло. Одно резкое движение — и он снова обезличен.

Пальцы ныли. Под ногтями забились серая, упрямая масса. Я тёрла руки о джинсы, но это не помогало. Она въедалась, как воспоминания, которые невозможно отмыть.

Надо сделать перерыв.

Отошла к стене, опустилась на пол и взяла телефон — отвлечься.

Сначала — ничего особенного. Типичные инстаграмные видео. Листала бездумно, пока не заметила вид из нашего дома на город. Стало любопытно, как выглядит квартира неизвестных соседей. Камера переворачивается. Главным объектом становится красивая девушка

лет двадцати пяти: снимает себя на ходу, смеётся, проходит по просторной квартире, которую почти не видно, что-то поёт. Камера качается.

Потом она наклоняется — и целует мужчину.

Моего мужчину.

То есть уже бывшего.

Рука самопроизвольно, со шлепком, закрыла рот, перекрывая доступ к кислороду. Лицо покрылось холодными, колючими мурашками.

— Нет... — внутренний диалог вырвался и ударился о стены. — Нет.

Зажмурив глаза, будто возвращая себе зрение, опускаю взгляд к видео, чтобы убедиться.

Пауза.

Он?

Нет.

Лёгкая улыбка. Насмешка. Криво прикусил губу — не пошло, скорее нервно.

Да.

Сделала скриншот — пальцы дрожали так, что с первого раза не попала по кнопке. Остановила кадр на поцелуе. Приблизила лицо. Чётче. Ещё.

Сердце колотилось так, будто снова двадцать — и сейчас либо всё начнётся заново, либо окончательно закончится.

Музыка в ролике продолжала играть по кругу. Весёлая, дурацкая мелодия — как издевательство.

Перед глазами — его профиль: линия носа, скула, изгиб губ. Узнаваем даже через годы. И всё равно страшно признать это вслух.

Телефон выскользнул из рук и глухо ударился о пол. Я поднялась слишком резко, задев локтем скульптуру. Та едва заметно дрогнула. Снова перед фигурой. Лица всё ещё не было.

Неужели это ты?

Подняв телефон, почувствовала лёгкую дрожь в пальцах. Разблокировала экран — лента уже обновилась. Ввела ник в поиске; со второй попытки получилось.

Профиль открылся без слов — тысячи одинаково выверенных роликов. Пролистала до самого начала. Ничего. Дольше смотреть не имело смысла. Нужно было показать это Эн.

Набираю её номер, параллельно стягивая грязные джинсы в надежде, что найду здесь сменку.

— Алло, — голос подруги действует на меня как якорь, мгновенно заземляя.

— Ты занята? Я в студии... Точнее, уже выхожу. Ты мне нужна.

— Я занята. Освобожусь минут через пятнадцать, подождёшь меня? Хотя нет, закажи как обычно.

На фоне слышались голоса, бурные разговоры. Она работала государственным адвокатом, представляя интересы тех, кто не мог позволить себе платного юриста. Это была её принципиальная позиция.

Эн единственная знала об Александре всё — пятнадцать лет назад она буквально вытаскивала меня из ада. Когда я перестала выходить из дома, когда перестала верить, что жизнь может быть светлой, именно Эн вернула мне способность смеяться.

Она могла стать партнёром в любой из компаний нашего города, но отказалась от всех предложений.

— Окей, жду тебя.

Наша кофейня находилась в трёх минутах ходьбы от студии. С утра погода изменилась. Весенний апрельский день будто пытался спасти замёрзшие ночью растения. Солнечные лучи мягко обнимали всё вокруг. Цветы в клумбах выглядели пожухшими и всё же прекрасными.

Из кофейни вышла большая компания мужчин. Последний придержал мне дверь; вежливо улыбнувшись, проскользнула внутрь. Как только дверь закрылась, за спиной послышался свист и громкий смех. Раньше такая реакция была нормой, и внимания на неё я не обращала, но сейчас задумалась: это был комплимент или их позабавил мой внешний вид — учитывая, что в волосах, скорее всего, всё ещё оставалась глина?

Дойдя до столика, ощутила, насколько тяжёлым казалось собственное тело. Я буквально уронила себя на мягкий стул глубокого бордового цвета.

Достала телефон — проверить время. Машинально открыла галерею, задержав палец на скриншоте. Сразу заблокировала экран.

Смех парочек, шипение с кухни, сигналы нервных водителей за окном — всего оказалось слишком много.

Снова схватила телефон. Вглядываюсь в мужчину, будто играя в «найди отличия».

Из мыслей меня вырвал резкий стук — на стол упала сумка. Я даже не заметила, как пришла подруга. Она была слишком живой для моего оцепенения.

— Привет, крошка! — Эн, как и обещала, появилась через полчаса. Обычно время, которое мы обговаривали, нужно было умножать на два, поэтому заказ уже стоял на столе, а невозможность приходилось умирять усилием воли.

— Наконец-то. Привет.

— Ух, ты сегодня такая нарядная! А где твои джинсы? Лео их выкинул, чтобы ты снова стала женщиной?

— Они в глине, и это платье — всё, что нашлось в студии. — Хотелось заговорить о видео, но слова не находились. Она единственная видела мой окрылённый подъём рядом с ним и моё болезненное, почти смертельное падение. Если кто-то и понимал, насколько опасно это имя для меня, так это Эн.

— Кажется, я нашла Алекса, — выпалила без подготовки так резко, что подруга подавилась кофе и забрызгала весь стол.

— Что? — слишком громко. На нас обернулась вся кофейня. — Ты его искала?

Эн медленно поставила чашку. Это её фирменный ход — замедлять темп, когда всё вокруг ускоряется.

— Это произошло случайно. Посмотри. — Передаю телефон с видео. — Он мне вчера приснился, а сегодня попало это.

Прикусила щёку, пытаюсь скрыть напряжение. Будто моё волнение сейчас было бы оскорбительным для Эн. Её ненависть к Алексу всегда казалась сильнее моей.

Слезу за её взглядом — он слегка смягчается, потом снова становится напряжённым. Подруга смотрит дольше, чем нужно. Это плохой знак.

— Так, может, поэтому тебе и показалось, что это он? Потому что вчера у вас было очередное свидание во сне? — её голос осторожный, как у человека, разговаривающего с кем-то на краю.

— Показалось? На девяносто процентов уверена, что это он.

— Ну не знаю, подруга. Столько лет прошло, люди меняются. Может, есть видео получше? Тут сбоку вообще непонятно, как ты что-то разглядела.

— В том-то и дело, что это было единственное видео. Я просмотрела всё. И его там больше нет. Что, кстати, только подтверждает: это может быть он. Подчистил.

Эн выдержала паузу. Долгую. Вглядываясь в моё лицо.

Я отвернулась к окну, наблюдая за обычной жизнью города.

— Или это просто алгоритмы, — пожала плечами она. — Ты сейчас сама себя накручиваешь.

— Может быть, — тихо ответила я.

— Ты хочешь, чтобы это был он?

— Может быть...

Эн крутила чашку, оставляя на фарфоре влажные следы пальцев. Я ловила себя на том, что киваю уже третий раз подряд, почти не слушая. В кофейне гудела кофемолка, и я пряталась за этим шумом, лишь бы не заполнять паузу собственным голосом.

— Давай поговорим о чём-нибудь хорошем. Например, о дичайше сексуальном и горячем парне, с которым я познакомилась и теперь при каждой встрече думаю только о том, как стащить с него рубашку. — С каждым словом Эн буквально растекалась по столу, как мороженое в палящий день.

— Я не хочу знать. Не хочу знать твоё очередное минутное увлечение. Всё равно не успею запомнить его имя, как он исчезнет.

— О-о, нет, детка, тут всё иначе. Мне не суждено узнать, что скрывается в его брюках от Armani.

— Это ещё почему?

— Это мой клиент, — жалобно протянула она, разрывая салфетку на мелкие кусочки.

— Я даже не знаю, что меня пугает больше: то, что ты не планируешь с ним переспать, или то, что у твоего клиента брюки от Armani.

— Долгая история. Короче, я взяла его как частный адвокат. Не от государства. — Эн поджала губы, подняла руки в жесте «сдаюсь» и виновато посмотрела на меня.

— Дорогая, это же здорово. Это не отменяет того факта, что ты и так помогаешь людям. По-моему, отличная стратегия — брать деньги у богатых и бесплатно защищать бедных.

— Просто мне кажется, что он виновен. А чтобы защищать его, я должна быть уверена в невинности на сто процентов. Но деньги мне сейчас очень нужны.

— Он кого-то убил? — шуршащим шёпотом, наклоняясь ближе.

— Нет. Отмывание денег.

— Тогда плевать, виновен он или нет. Если этот случай решит твои финансовые проблемы, потом ты спасёшь ещё сотни невинных. Очистишь карму.

Она ничего не ответила. Её карие глаза отливали зелёным, а опущенные уголки губ медленно расползались в благодарной улыбке.

— И всё же я его — Эн осеклась посмотрев на соседний стол с детьми. — Займусь им. После суда.

— Рыжая бестия.

И впервые за весь день я вдруг почувствовала, что всё это время моё лицо оставалось каменно напряжённым. Челюсть стала лёгкой, а смех — звонким и безмятежным.

Атмосфера в кафе смягчилась. Музыка у бара стала манящей, хотелось плавно двигать плечами. Пробка за окном начала рассасываться, гудки постепенно стихали.

В студию решила не возвращаться: хотелось завтра свежим взглядом посмотреть на скульптуру и наконец придать упрямой глине человечность.

Подъезжая к дому, зашла в кофейню — взять привычную пару кофе и шоколадный пончик для нашего консьержа. Каждый день на протяжении десяти лет он открывал двери лифта в нашем элитном ЖК, больше похожем на муравейник — стеклянный, безумно красивый и безумно дорогой.

Когда-то это было нашей мечтой, воплотившейся слишком быстро. И всё же с каждым годом нас всё сильнее манили буклеты с уютными домами, будто из Visteria Line.

Именно в таком доме я хотела бы завести детей.

— Лина, дорогая, ну что вы, не стоило! — каждый раз смущённый Кэп — его настоящее имя казалось слишком непривычным, поэтому все звали его так — повторял эту фразу, словно заученный персонаж.

— Лишь бы вы улыбались, Кэп.

Зайдя в лифт, я обернулась, чтобы ещё раз увидеть довольное лицо старика. Такая мелочь — а сколько радости.

Перед дверью квартиры начала искать ключ. Залезла в узкий кармашек, где обычно их хранила. Пусто. Перерыв сумку трижды, высыпала всё содержимое прямо на пол. Потом ещё два раза перепроверила.

Ключей не было.

Глаза сомкнулись, по лицу пролегли складки. Если продолжу так хмуриться, постарею раньше, чем планировала.

В памяти всплыло утро: я захожу в студию и бросаю связку на комод у входа. Теперь уже не уверена, закрыла ли вообще мастерскую. В голове мгновенно вспыхнули картинки: кто-то заходит внутрь и решает, что мою скульптуру необходимо разрушить. Что я тогда представлю на выставке?

Перебирая тревожные мысли, решила сосредоточиться хотя бы на том, чтобы попасть домой. Вернулась к лифту — спуститься за запасным ключом.

Едва двери закрылись, почувствовала мужской парфюм. Очень знакомый. Его ни с чем не перепутаешь.

Sauvage. Dior Sauvage.

Закрываю глаза. Медленно вдыхаю — и передо мной вспыхивают чёрные курчавые волосы, серые глаза, точёный нос, ехидная улыбка. Едва заметные морщинки возле губ.

А голос...

Не помню.

Будто онемел.

Лифт со звонким сигналом останавливается. В отражении замечаю, как сильно сжаты мои губы. Двери разъезжаются, забирая с собой эту эмоцию.

В квартиру я попала с помощью запасного ключа консьержа. Возвращаться в студию не стала — попросила Эн заглянуть после работы и закрыть её.

Щелчок двери неожиданно поднял настроение. Девятый час вечера. Лео только вернулся.

— Любовь, как день прошёл? — Иногда ловлю себя на мысли, что задаю этот вопрос уже автоматически. Будто это встроенная функция хорошей жены.

— Хорошо. А у тебя? Закончила работу? — ставит пакеты с ресторанной едой на стол.

Тот же автоматизм.

— А, да... Почти. Давай я разложу.

Пытаюсь забрать пакеты, но Лео мягко отстраняет мои руки.

— Я сам. Присядь.

После ужина у нас остаётся немного времени на то, что когда-то называлось «вечером вместе». Лео включает новости, устраиваясь на диване в одних трусах. Я беру книгу и забираюсь в своё читательское кресло.

Каждый вечер мы расходимся по своим углам. Как старая мебель, которая стоит на привычных местах так давно, что её уже перестали замечать.

Тихий шелест перевёрнутой страницы растворяется в комнате.

В какой-то момент ловлю себя на том, что уже несколько минут просто смотрю в книгу, не понимая ни строчки.

Мысли о прошедшем дне глушат историю — перекрывают её, как телевизор перекрывает тишину. Буквы складываются в слова, слова — в предложения, но смысл ускользает. Всё снова возвращается к одному и тому же лицу.

Где-то глубоко внутри все эти годы я хотела узнать о нём хоть что-нибудь.

Счастлив ли. Помнит ли.

Рядом — ровное дыхание, знакомое тепло. Он чувствует мой взгляд, поворачивается и молча посылает смешной поцелуй через комнату.

Я невольно улыбаюсь. И мысли наконец отпускают.

Глава 3

— Алло, дорогая...

Она звучала жизнерадостнее, чем моя новость, и от этого стало неловко говорить.

— Привет. У меня... эм... — подбираю слова, боясь самой услышать их вслух. — Слушай, мне кажется, меня нужно снять с участия...

Тишина. Пауза кажется слишком длинной. Я уже решаю, что связь оборвалась.

— Алло, Кейт? Ты здесь?

— Да-а... — её голос больше не сияет. — Я просто в шоке и не знаю, что сказать. Ты уверена? Что случилось?

Громкая, всегда уверенная Кейт внезапно стала тихой. Почти шёпотом, будто то, что я собираюсь сделать, — запретное и за это непременно будет наказание.

— Сама не знаю, что творю. Кажется, я переоценила свои силы. — Сухость во рту не даёт договорить. Прокашливаюсь. — И не справилась.

Последнее слово звучит скорее как утомлённый выдох, чем как слово.

— Я не хочу на тебя давить... — осторожно начинает она. — Но, может, ты сегодня ещё поработаешь? Попробуешь? А к шести скажешь окончательное решение. Ты так долго к этому шла, Лина. Не сдавайся.

— Позвоню в шесть.

Сбрасываю вызов и смотрю в пустоту студии.

«Global International Art Forum» пять лет был для меня недосягаем. Заявка не проходила даже первый отбор. А сейчас, когда работы, созданные моими руками, попали в десятку лучших, я готова снять себя с участия. Потому что не смогла.

Возможно, я всё ещё не подхожу. Полюбившаяся прохлада студии вдруг стала гнетущей. Пальцы покалывало от холода. Возможно, мой уровень — выполнять заказы самовлюблённых бизнесменов, которым нужна их статуя в саду. Не потому, что они слишком любят себя. Нет. Для потомков. Чтобы увековечить значимость. Мда. Что ж.

Стуча каблуками, прохожу в центр студии. Скрежет стула разрезает пространство. Вцепившись в спинку, тяну его за собой. Оседлав стул, поднимаю глаза на безликого «мужчину».

— Почему ты не хочешь, чтобы я тебя увидела?

Место, где должно быть лицо, выглядит так, будто его вырвали. Секундная стрелка часов громко оповещает: время бежит, а я ползу. Закрываю глаза. Представляю, как всё вокруг исчезает: окна, стол, стеллаж...

Я смотрю на скульптуру. Не на провал. На работу. Мы все так стоим — делаем вид, что держимся, но на самом деле держат нас.

Минута раздумий. Вторая. В солнечном сплетении что-то зашевелилось. Плечи расправляются, будто под давлением свежего воздуха. Воодушевление — почти болезненное — переполняет тело. Я вскакиваю так резко, что стул с грохотом отъезжает назад. Сжатые от напряжения губы медленно расправляются в улыбке.

— Чёрт... это же «мы».

Отправляю голосовое Кейт:

— Кейт, я всё! Не отменяй нас, пожалуйста. Мы справились. Работа готова.

Почти мгновенно в чате появляется отметка «печатает...».

Для неё эта выставка значит не меньше, чем для меня. Благодаря её пробивному характеру имя как агента станет весомым в мире искусства, а участие клиентки в арт-форуме — лифтом по карьерной лестнице.

В диалоге всплывает анимированный мишка, осыпаящий экран сердечками. Я улыбаюсь. Впервые за этот день — по-настоящему. Внезапное осознание накрывает меня: я в десятке

лучших на GIAF. Переполюющая радость рвётся наружу. Я набираю номер самого лучшего мужчины на свете. Приятное волнение от ожидания его голоса.

— Да, слушаю.

Слишком деловито. Как будто он взял трубку не с мобильного, а с офисного телефона, где нет определителя номера. Моя радость дрогнула. Улыбка на секунду спала, пошатнулась — как вода от лёгкого бриза.

— Сладкий, это я.

— Что-то случилось? — голос Лео напряжён.

— Нет. В смысле да — хорошее! Я участвую в «Джиаф». В десятке счастливиц, чьи работы будут проданы на безумно пафосном аукционе! — почти пишу от восторга.

Лео хмыкнул в трубку — мягко, как в моменты умиления чьей-то наивностью.

— Я знаю, милая. Помнишь, я был рядом, когда тебе пришло письмо?

— Конечно. Просто... ещё утром я хотела отказаться от участия. Из-за страха, волнения и дедлайна в какой-то момент я перестала творить — стала просто делать то, что надо...

Он слушал. Внимательно. Позволяя мне вылить всё напряжение, которое я держала внутри весь месяц.

— А сейчас я чувствую такую лёгкость... Боже... На вырученные деньги открою галерею. Можешь представить? Галерея имени меня. Созданная с нуля. Мной.

— Представляю. В красках. Каждый раз, когда ты рассказываешь об этом.

Пауза. Слышно, как он проводит рукой по лицу.

— Я правда рад, Лин. Очень.

Тишина.

— Просто... сейчас не лучший момент. Я на встрече.

Отковыриваю застывшую глину от стола, чтобы куда-то направить энергию в теле.

— Отметим вечером?

— Сегодня же ужин с коллегами. Ты забыла?

— Чёрт... — я ударяю себя по лбу, не рассчитав силу, и шлепок разносится по всей студии. — Точно. Напомни, во сколько? Я забыла купить платье.

— В девятнадцать. В семнадцать тридцать буду дома. Люблю.

Он оставляет точку в диалоге и сбрасывает.

— И я... — отвечаю уже безмолвному телефону. — И что надеть? Изумрудное платье в третий раз?!

Провожу диалог сама с собой, кидаю последний взгляд на скульптуру. На секунду фантазия снова дорисовывает черты его лица. Внутри что-то болезненно сжимается, словно кто-то тронул незаживший рубец.

Ну уж нет. Отгоняю тягучие, как смола, мысли. Слишком часто ты начал мелькать в моей памяти. Прочь.

Входная дверь в студию захлопывается. Поворачиваю ключ в замке три раза.

Щелчок.

Щелчок.

Щелчок.

Открываю.

Щелчок.

Щелчок.

Щелчок.

Чёрт... ну нет. Голова опускается, лоб прижат к двери. Дыхание учащается.

Внутренний голос — холодный и настойчивый — шепчет: «Не так. Неправильно. Сделай снова».

Я подчиняюсь, словно заведённая кукла. Если не сделать всё правильно, что-то обязательно случится. Снова закрываю замок. В руках — еле уловимая дрожь.

Щелчок.

Щелчок.

Щелчок.

Повторяю ещё два цикла.

***

— Любовь, это ты? — затаив дыхание, прислушиваюсь. Микроскопические пузырьки в ванне лопаются, создавая шум, из-за которого мне уже второй раз кажется, что кто-то вошёл.

— Привет. Конечно я. Кто ещё? — Лео заглядывает в ванную, но не входит, что-то пряча за дверью.

— Что там у тебя? — любопытство заставляет меня подняться. Даже полотенцем не прикрываюсь. Вся мокрая, с кусочками пены на плечах, подхожу ближе. — Показывай!

Пена сползает по спине, оставляя после себя дорожку прохладного воздуха. В его взгляде — то медленное внимание, от которого чувствуешь себя желанной.

— Целуй, — не отводя взгляд.

Я быстро чмокаю его и отступаю.

— Ну разве это поцелуй?

Второй получается длиннее — губы задерживаются на секунду.

— Показывай уже!

Не дождавшись достойной версии, Лео сдаётся. Из-за спины появляется большой чёрный пакет.

— Что в пакете? — затаив дыхание, как ребёнок на Рождество.

Достаю коробку и кладу на кровать, наблюдая, как он ждёт реакции. Матовая, бордовая, с шероховатой поверхностью.

— Платье?

Бордовое шёлковое, на тонких бретельках, с изящно открытой спиной почти до копчика.

— Оно прекрасно!

— Как и ты, — он убирает мокрую прядь за ухо и оставляет поцелуй, полный нежности. — Я в душ, и нам выходить через сорок минут.

В новом платье я чувствую себя почти голливудской звездой. Лёгкий макияж подчёркивает зелень глаз. Волосы собраны в элегантный пучок, чтобы ничто не закрывало открытую спину. Ощущение хрупкости — будто ткань вот-вот соскользнёт, но это лишь иллюзия: крой продуман так, что ничего лишнего не откроется.

Всю дорогу до ресторана в такси царил тишина. Ровный гул мотора перебивала только мелодия саксофона по радио.

Лео крепко сжимал мою ладонь, постукивая большим пальцем, как обычно делал в моменты тяжёлого выбора. На его челюсти играли желваки. Время от времени он смотрел на меня и выдавал что-то похожее на улыбку. Запах дешёвого ароматизатора забил лёгкие — вязкий и приторный. Тошнота подступила слишком близко. Я уткнулась в шею мужа, в его привычный аромат — духи, смешанные с естественным запахом кожи.

Родной.

Звук нового сообщения прогудел во внутреннем кармане Лео. Никакой реакции. Я приподнялась, чтобы посмотреть ему в глаза, безмолвно спрашивая: «Проверишь?»

— Неважно, — шепчет он, целуя меня в макушку.

Что-то новенькое.

Мы держимся за руки, как полагается любящим супругам. И со стороны, наверное, именно так всё и выглядит.

У входа нас встречает хостес и проводит к столику в зоне, отделённой изящными чёрными завесами, напоминающими шатёр. Если в начале ресторана кипела жизнь открытой кухни, то здесь было тихо. Пряные ароматы, звук откупоривания шампанского, движение льда в бокалах.

За столом уже сидит пара.

— Виктор, — представляется седоватый мужчина крепкого сложения в чёрном костюме.

— Марго, — мягко улыбается его спутница в зелёном платье.

Я невольно улыбаюсь, представив, как нелепо выглядела бы в своём изумрудном. Муж всегда спасает — даже не подозревая об этом.

— Мы, кажется, немного раньше всех, — замечает Марго.

— Винтерс любит эффектные появления, — усмехается Виктор. — Без него не начинаем.

Разговор завязывается легко. Вино, свет, негромкая музыка. Вечер кажется спокойным, почти уютным.

— А вот и Александр. Будет через пять минут.

Мой бокал звенит о тарелку с неприятным, физически ощутимым скрипом.

Имя эхом прокатывается внутри.

Александр.

Что-то внутри коротко вздрагивает. Странная реакция. Всего лишь имя. Имя, которое носят тысячи мужчин. И всё же.

Рука Лео легла на моё бедро. Его голос стал чуть тише, чем прежде, когда он говорил с Виктором.

— Что, дорогая?

Его пальцы напряглись. Он не смотрел на Виктора. Он смотрел на меня.

— Ты побледнела.

Я повторила имя вслух, как попугай, параллельно расставляя бокалы по одному уровню с идеальной точностью.

— А? Ни-ничего. Всё хорошо, — одарила мужа пластиковой улыбкой и накрыла его руку своей.

За беседами гостей вдруг послышались чёткие шаги по деревянному полу. Стук нарастал: сначала отдалённый, затем всё ближе и отчётливее, пока не превратился в стремительную дробь каблучков, и тут же последовали тяжёлые, размеренные мужские шаги.

— Ваш столик.

Они стояли за ширмой. Я не видела лиц, но узнала девушку — ту самую хостес, что провожала нас.

— Благодарю!

Меня словно бросили в холодную воду. В ушах загудела кровь, каждый волос будто наэлектризовался. Голос, который когда-то мог вознести к небесам — и так же легко утопить.

— О-о, добрый вечер! — Виктор встал из-за стола и пожал руку Александру. Они всё ещё стояли за ширмой.

— Добрый вечер. Это моя невеста, Верона.

Ещё один удар под дых. Ноги стали ватными, туфли — тесными.

— Здравствуйте! Приятно познакомиться, — юный голос.

Перед тем как встать, Лео крепче сжал моё бедро — это помогло мне вернуться в реальность. Я прокашлялась, лёгким движением пригладила скатерть.

Пара подошла к столу. Сердце сбилось с ритма. Дыхание стало поверхностным. Голоса растворились, смешались в единый гул.

— Это моя жена, Лина. — Рука Лео на моей спине стала чуть тяжелее. Он произнёс «жена» отчётливо. Медленно. Как факт. Или как предупреждение.

Алекс протянул руку ладонью вверх.

— Александр Винтерс.

Наши взгляды встретились. Задержались чуть дольше допустимого — так, что никто этого не заметил.

Аккуратно вложив свою ладонь в его, я натянула любезную улыбку.

Касание.

Холодные мужские пальцы скользнули по руке, оставляя невидимый след.

— Приятно познакомиться, Алекс-сандр.

Светская беседа продолжилась. Я молчала, лишь иногда задавая уточняющие вопросы, чтобы не выглядеть безмолвным аксессуаром супруга.

Напротив нас сидели Алекс и Верона. Стол был недостаточно широк, чтобы избежать тонкой ноты его парфюма. Мне казалось: стоит чуть сместиться — и я обязательно наткнусь на его туфли.

— Лео хвастался, что вы скульптор? — переводя взгляд с мужа на меня, спросил Алекс.

— Скульпторка, милый! — поправила его спутница.

Я с улыбкой хмыкнула.

— Да, я художница-скульптор, — ответила ровно, не задерживаясь на лице Алекса.

Я делаю глоток вина — с виду уверенный, но хватаюсь за него как за спасательный круг, чтобы не смотреть прямо в глаза. Горечь алкоголя обволакивает горло. Морщусь.

— Закончили университет искусства и культуры? — ровно, непринуждённо.

— Нет, — отрезала коротко, словно точку в диалоге.

— Лина — самоучка. Очень талантливая, кстати. Скоро её работы можно будет купить на выставке «ДЖИАФ», — Лео хвастался с искренним восхищением.

— Потрясающе, — с таким же восторгом откликнулась Марго. — Дорогой, обязательно сходим на выставку.

— Мы тоже придём. Да, дорогой? — смотрит на жениха щенячьими глазками.

— Конечно, я достану для вас билеты, — выдержал паузу, перевёл взгляд на Верону с Алексом с вежливой улыбкой. — Для вас всех.

Нежное поглаживание по спине любимого мужчины выровняло моё дыхание. Я чувствовала себя почти в обычной обстановке. Как только разговоры зашли о бизнесе, стало ещё легче; в какой-то момент я даже обрадовалась напавшей скуке.

Верона что-то шепнула на ухо Александру, тот улыбнулся, прижался к ней плечом.

— Конечно, зефирка!

Укол ледяной иглой пронзил мою грудную клетку, сердце и достал до самой души. Второй раз спустя пятнадцать лет.

Это моё имя. Так он называл только меня.

Глава 4

— Буду скучать. — Уткнувшись носом в грудь мужа, я пыталась надышаться его ароматом впрок.

Уголки губ Лео слегка приподнялись. В глазах читалась усталость — та, что остаётся после длинного дня. Или после изнуряющих мыслей.

— Не успеешь. Меня не будет всего сутки. — Он поцеловал меня в нос и мягко отстранился, освобождаясь из моего капкана.

— Но я уже... — жалобно, по-детски сказала я вслед выходящему из комнаты самому лучшему мужчине на свете.

Уже в коридоре он пробормотал:

— Я тоже, сладкая.

— Что, если я попаду в беду?

— Главное, чтобы беда в тебя не попала. А то я тебя знаю, — наигранно серьёзным тоном произнёс он, нахмутив брови, поправляя волосы, выпавшие у меня из косы.

— Просто... эм... — запнулась, решая, говорить или нет. — У меня плохое предчувствие.

И у этого предчувствия было имя.

Александр.

Даже мысленно произносить его оказалось неприятно.

После ужина Виктор с супругой откланялись раньше. А мы остались вчетвером — я, Лео, Алекс и Верона. И почему-то сели в одно такси. Верона прыгнула вперёд, к водителю, а я оказалась зажатой на заднем сиденье между двумя мужчинами.

Дорога домой утомляла больше, чем сам ужин. Запах алкоголя и смесь двух мужских парфюмов сводили с ума. Один — родной, второй — предательски знакомый. Его колено было слишком близко. Между нами почти не оставалось воздуха.

Огни города мелькали за окном, гипнотизируя. Всё происходящее сегодня было похоже на сон. На кошмар, один из тех, что снились мне пятнадцать лет.

Чем дальше от ресторана, тем сильнее я прижималась к мужу. Хотелось стать тенью, исчезнуть. Лео поглаживал меня по колену, инстинктивно успокаивая. Заметил ли он мою дрожь? Или просто решил, что я устала?

Машина остановилась. Никогда ещё финал вечера не был таким желанным.

Лео подал мне руку. Придерживая подол платья, я опустила ноги на мокрый асфальт. Свежий влажный воздух обжёг лёгкие. Глубокий вдох — и я взяла мужа под руку.

С каждым шагом напряжение спадало. Обойдя машину, заметила Алекса и Верону — тот же ритуал: рука, подол, туфли на асфальте, вдох.

Какого чёрта? Это какая-то злая шутка судьбы.

— Наверное, сказывается стресс из-за выставки, — сосредоточенно произнёс Лео, прикладывая ладонь к моему лбу. Не поверив ощущениям, коснулся губами. — Любовь, ты просто устала. Отдохни. Проведи время с подругами.

— Да, ты прав. А ты один едешь? Или...

— Один. — Слишком резко. — То есть не совсем. Ассистент и я. — И одной рукой расслабил туго затянутый галстук.

«Ассистентка, милый», — мысленно уточнила я, снова возвращаясь к вчерашнему вечеру.

— Хочешь, провожу тебя?

— Не стоит. Отдыхай. На дорогах пробки — простоишь полдня.

Лео взял чемодан и направился к выходу. Шлёпая босиком по деревянному полу, я следовала за ним.

— Пока, любовь! Напиши, как будешь на месте.

— Пока, сладкая.

Дверь захлопнулась.

Я ещё несколько секунд стояла в коридоре, слушая, как лифт увозит Лео вниз.

На столе осталась его кружка с кофе — он к нему даже не притронулся.

В квартире стало слишком тихо. Стук сердца отдавался в висках.

Моя жизнь снова разделилась надвое — настоящее и прошлое, которое воскресло.

Оставаться наедине с раздирающими душу мыслями не хотелось. Набираю сообщение подруге.

Я: Ты ахренеешь. Приезжай ко мне. Срочно!

Эн: Ты беременна?

Я: Нет.

Закатываю глаза, будто только такая новость способна её шокировать.

Я: Тебя ждать?

Эн: Через час буду.

Стук в дверь раздался через полтора часа.

Стоило щёлкнуть последнему звену замка — фурия влетела в квартиру, бросила сумку на пол. Хлопнув дверью, я поставила вещи подруги на консоль, специально отведённую для этого места.

— Я только что видела призрака, выходящего из лифта. Кажется, твоя паранойя была заразной.

Эн плюхнулась на белый диван, закинув ногу на ногу.

— Об этом я и хотела поговорить.

— Чёрт... серьёзно? То есть это реально он? Здесь?

Я села рядом, подтянула колени к груди и закрылась ими, как щитом, продолжая рассказывать подруге, что произошло.

— Алесновмныйпатрвкомлео.

— Скажи нормально, я тебя не слышу.

— Алекс — новый партнёр в компании Лео. Вчера мы вместе ужинали. Вместе с его невестой. Той самой, которую видели в ролике.

Опустив ноги на мягкий ковёр, машинально посмотрела на дверь. Закрыта.

Только после этого смогла снова сесть.

— Да ладно. Хотя бы одна хорошая новость есть.

— Какая?

— Ты не сошла с ума.

— Мда... точно. Почему-то от этого не легче.

— Я понимаю, — подруга обняла меня. — Однажды мы справились вместе с его исчезновением, справимся и с появлением.

Эн отошла, чтобы посмотреть мне в глаза, словно только что осознала, что призрак теперь может говорить.

— Что он тебе сказал?

— «Приятно познакомиться, Лина!» — кривляюсь, пародируя его мужественный голос.

— «О, Лина, ваш муж сказал, вы скульптор? А это моя милашка-невеста. Будет здорово, если вы подружитесь!» — презрение сочилось из меня.

— Вот же придурок! — Эн подняла рыжую бровь к макушке — взгляд сокола, готового растерзать добычу. Будь Алекс здесь, она выколола бы ему глаза. — А ты что?

— Старалась не выдать себя, держала лицо как могла. — Я потёрла ладони о штаны, будто всё ещё мёрзла после вчерашнего вечера.

Эн внимательно смотрела, изучая моё состояние. Взгляд заботливой, встревоженной подруги смягчился.

— Ты рассказала Лео?

— Нет! — вырвалось автоматически. — Что я ему скажу? Это тот самый человек...

Лео знал историю в общих чертах. Вначале было больно об этом говорить. Спустя годы разговоров тема почти не поднималась. Он предпочитал не говорить о бывших отношениях, а я — не вспоминать.

— Да. Что-то в этом духе. Лео должен знать, что его партнёр — потенциальная угроза душевному спокойствию его любимой женщины.

— Да я в норме. Просто в шоке. И-и... — спотыкаюсь на полуслове, тербляю кисточку от подушки, стараясь незаметно выровнять дыхание. — Не знаю... Он серьёзно меня не узнал?

Эн смотрит пару секунд, потом резко выдыхает.

— Так. Стоп. Хватит себя накручивать. — Размахивая руками, уходит на кухню.

— Ещё не хватало спустя столько лет мучиться из-за его трусости! — продолжает бубнить.

Слышно, как открываются шкафчики, звенят бокалы. Эн что-то роняет и тихо матерится себе под нос. Иногда мне кажется, что в моей квартире она чувствует себя «как дома» больше, чем в своей.

— Как насчёт бутылки вина в час дня?

Улыбка растянулась в ответ игривой подруге.

— Шикарная идея.

Вино тихо зашуршало в бокале. Поднимая его, ловлю взгляд Эн:

— Сделай одолжение: если снова встретишь Алекса, не показывай, что ты его знаешь. Если он хочет играть в эту игру незнакомцев — подыграем.

— Ну и задачку ты мне поставила... — она криво усмехается, сталкивая свой бокал с моим. — Невыполнимую.

Первый глоток обжёг горло сильнее, чем ожидалось.

Последний, уже из бутылки, растекался по горлу — мягко, почти сладко.

— У меня сегодня сви-сви-да-а-ание... — пьяная икота сбивает Эн. — С та-ким красавчиком...

— Хорошо, что мы начали с утра — успеешь протрезветь. Главное — без похмелья.

— Секс ле-лечит.

Смех, резкий и громкий, разлетается по квартире — почти как крики чаек.

— У мужика выгодное свидание — поить уже не надо.

Мышцы пресса уже болят от смеха.

— Надо ехать. Привести себя в поря-я-ядок.

Подруга встала, резким движением скинула голову вниз, встряхивая рыжие волосы. Так же резко выпрямилась, собираясь поправить их руками, но головокружение подкосило ноги.

Эн взмахнула руками, плюхнулась на подлокотник дивана, задрала ноги вверх и медленно сползла на пол.

— Ямакаси... — встала в странную стойку то ли из кунг-фу, то ли как супергерой из дешёвого боевика. — Ик!

Хохот разнёсся по квартире так громко, что его, наверное, было слышно даже сквозь хорошую шумоизоляцию.

— Я вызову такси.

На сборы ушло двадцать минут. Эн дважды пыталась вывернуть свитер «на лицевую сторону», прежде чем вспомнила, что это такой дизайн. Стояла у лифта в домашних тапках, уже

вовсю изображая роковую женщину. Ту самую, которая через три часа будет покорять очередного красавчика.

Холодный воздух освежил голову, немного отрезвляя. Весна в этом году не хочет нас баловать солнечными днями. Я же по велению опьянённого разума вышла провожать подругу в чём была: белый домашний костюм из тонкой полупрозрачной хлопковой ткани.

— Напиши, когда доедешь.

Захлопнула дверь такси, обняла себя за плечи. Без Эн улица вдруг стала слишком тихой. Стою на обочине ещё минуту, контролируя, как едет машина, как будто это сыграет большую роль. Такси скрылось за поворотом. Я медленно выдохнула, почувствовав приятную усталость.

Лифт звонко щёлкнул. Двери распахнулись. По холлу разносились шаги. Чем ближе они становились, тем быстрее звучали шаги. Я, не оборачиваясь, спокойно вошла в лифт. Протянула руку к кнопке — и замерла.

Алекс.

— Добрый день, Лина!

Он скользнул между дверями, которые смыкались. И почему они такие медленные?

От растерянности я лишь мотнула головой, приветствуя незваного гостя моей жизни.

— Погодка жуткая, — сбрасывая влагу с волос, Алекс заводит непринуждённую беседу.

Серьёзно? То есть мы о погоде будем говорить, когда ты так близко спустя годы? Не расскажешь, почему исчез? Почему делаешь вид, будто мы незнакомцы?

Внутри закипала злость.

— Угу, жуткая. — Сжимаю губы и незаметно прикусываю.

«Я лишь хочу каждое утро просыпаться рядом с тобой...»

Болезненное воспоминание всплывает на долю секунды. Меня словно повторно настигла уличная прохлада.

— Одолжить пальто? — Он произнёс это так тихо, будто между нами нет потерянных лет.

Незаметно для себя обхватила руками плечи.

Алекс смотрел на меня, стоя так близко, что я слышала его дыхание.

— Нет. — Пауза. — Спасибо! — Как можно непринуждёнее. Играть в его игру оказывается не так просто. Он в этом хорош.

Наверное, играл с самого начала — сейчас просто поменялся сценарий. Из «отдам за тебя жизнь» в «приятно познакомиться».

Лифт продолжал медленно подниматься. Где-то гудел механизм. Я смотрела на цифры этажей, лишь бы не на него.

Внезапно конструкция, которая казалась надёжнее самого здания, слишком резко оборвала свой плавный ход. Свет погас. Горела лишь красная аварийная лампа.

— Нет. Нет. Нет. — дыхание участилось, словно воздух закончится.

— Всё хорошо.

Мы сели на пол на корточки. Его рука скользнула по моей спине. Можно подумать, что просто знакомый старается не допустить паники, утешая, если не знать нашей предыстории. От его прикосновения по коже снова побежал адреналин. И я почувствовала то, чего не должна. Желание укутаться в его объятия.

— Всё будет хорошо. Скорее всего, что-то с электричеством, запустят резервный генератор, и мы вернёмся домой. — Алекс накиннул мне на плечи пальто, всё ещё тёплое от его тела.

Впервые я позволила себе взглянуть в его глаза дольше, чем позволял этикет. В тусклом красном свете они теряли привычную холодность. Это пугало сильнее темноты.

Его взгляд медленно скользнул по моему лицу, чуть дольше задержавшись на губах.

Яркий свет ослепил на секунду. Лифт дёрнулся и поднялся на те полэтажа, которых не доехал.

— И часто такое бывает?

Алекс поднялся и протянул мне руку. Я встала без его помощи, сняла пальто и положила в его ладонь.

— Впервые.

Вбежав в квартиру, словно убегала от погони, захлопнула дверь. Повернула замок на три оборота. Посмотрела в глазок.

Отошла, не поворачиваясь спиной к двери, и села на диван. В воздухе всё ещё стоял запах кофе, который мы варили между бутылкой вина. Обычная квартира. Обычная жизнь. Только внутри всё было не на своих местах.

Экран телефона загорелся от уведомления, лёгкая вибрация пронеслась по дивану.

Любовь: Доехал. Уже в отеле.

Открываю переписку, пальцы висят над клавиатурой.

Я: Хочу к...

Не дописав, блокирую телефон. На ходу в спальню снимаю пижаму. Моргаю чаще. Красная лампа всё ещё стояла перед глазами. Достаяю из ящика чёрное кружевное бельё.

Нервная струна натягивается, когда с первого раза не получается распутать множество лямок от пояса для чулок.

Натянув на себя комплект для особых случаев, пытаюсь вспомнить, когда такой случай был в последний раз. Кажется, мы оба перестали стараться.

— Чулки... — шепчу под нос.

Перерыв все ящики, чулок не обнаружилось. Лишь тёплые и капроновые колготки.

Беру капронки, маникюрный набор.

Маленькими ножницами с заострёнными кончиками пытаюсь отрезать колготки. Небрежно, как получится.

Капроновые шорты полетели в мусорное ведро.

— Ну вот, даже лучше, — восхищаюсь своим дизайнерским решением в зеркале.

Делаю несколько фото сверху вниз, без лица, в надежде, что хоть одна окажется достойной.

Плюхаюсь на диван, рассматривая фото.

Удалить.

Удалить.

Удалить.

Ставлю телефон на импровизированный штатив из пустых бутылок на кофейном столике. Поворачиваюсь спиной, сажусь на диван, раскинув ноги в позе лягушки.

Щёлк.

Уже лучше.

Отправив фото, трижды перепроверяю диалог — точно отправила мужу, а не в какой-нибудь чат.

Любовь: Ммм, что за сладкая девочка. Хочу к тебе.

Улыбаюсь сообщению. Только сердце всё ещё билось так, будто я застряла не в квартире, а в том лифте.

Я: Жду в твоей постели.

Любовь: Никуда не уходи, завтра в 17:00 буду.

Я: Прости, но я не могу столько ждать в таком наряде.

Любовь: Позвоню? Я как раз из душа.

Входящий видеозвонок. Фотография Лео заполнила экран телефона, а мелодия вытеснила тишину из квартиры.

— Алло, — держу камеру на уровне шеи, видно только губы.

— Привет, сладкая! — хриплый, уставший голос Лео радовал.

— Вы ошиблись номером. Мы не знакомы, — меняю интонацию голоса, как это обычно делают представительницы секса по телефону.

— Даже если мы не знакомы, голос у тебя уже мой любимый. А губы самое желанное к чему хочется прикоснуться.

Я растекаюсь в улыбке. Самый лучший мужчина на свете — мой.

Глава 5

Кейт перевернула страницу договора и ткнула пальцем:

— Подпиши здесь. И здесь.

Взгляд скользнул по строчкам.

„30 % комиссия“.

— Они забирают тридцать процентов? И при этом освещение скульптуры — моя забота?

— Да.

Кейт сложила руки на столе, будто собиралась прочитать лекцию по мирозданию. Золотые кольца тихо стукнулись, когда она переплела пальцы

— По их мнению, только художник знает, как подсветить работу без потери смысла. Галерейные световики просто заливают всё верхним светом и уйдут.

— Ла-адно, — возвращаюсь к подписи, — Надеюсь, тут нет пункта: «Ваша душа будет изъята дьяволом через десять лет».

Всё ещё не верилось, что заслужила место на выставке.

Теперь можно без стыда признаться:

„Самоучка“.

И даже: „Да, бросила университет“.

Я поступила туда только потому, что в восемнадцать фраза «творчество = бедность» звучала не как страшилка, а как вполне реальный жизненный сценарий.

— Поверь, мелкий шрифт там точно есть, — Кейт усмехнулась, забирая договор. Светлая прядь упала ей на глаз.

— И почему я не удивлена, — буднично отозвалась я.

— Дальше... — продолжала, заглядывая в ежедневник на айпаде. — Завтра фотосессия в студии для каталога. И придёт девушка, которая поднимет контент для соцсетей.

Кейт взглянула исподлобья.

— Пожалуйста, не забывай снимать процесс работы. Утренний кофе — на худой конец. О, возьми ручку.

Кейт вернула мне договор, отодвинула чашку, поставила вазу с цветами ближе и убрала буклет кофейни на соседний столик.

— Сделай вид, что подписываешь договор. Улыбнись, ты счастлива.

Стул скрипнул, когда я устроилась поудобнее. Старалась не думать, как выгляжу со стороны. На всякий случай оглянусь по сторонам. Никто даже не поднял головы.

Кроме Кейт — ей за это платили

Инстаграм утомляет. Лучше бы осталась на юрфаке вместе с Эн. Ей, по крайней мере, не надо показывать «красные трусы», чтобы стать востребованным адвокатом.

— Как тебе?

Я моргнула. Чёрт. Снова прослушала вопрос.

На секунду думаю просто кивнуть, будто всё слышала.

— Что? Просто я улетела в мысли.

— Ты какая-то отрешённая последние дни. Всё хорошо?

— Да... да, всё в порядке.

— Если дело в организации — просто подписывай бумаги и улыбайся на камеру. Остальным займусь я.

Сделаю всё в лучшем виде.

— Как всегда, дорогая! — кладу руку на сердце в знак благодарности.

Вчерашний разговор с Лео всё ещё греет изнутри.

Впервые за долгое время между нами снова появилось что-то лёгкое, живое, игривое. Если брак требует столько же усилий, сколько бизнес, почему никто не выдаёт к нему ассистента?

Человека, который присылает напоминания:

«Суббота. Попробовать снова стать влюблёнными».

Кейт закинула салат с вилки и непринуждённо сказала:

— Кстати, встретила Лео по пути к тебе.

Чашка с кофе стукнулась о тарелку.

— М? Сегодня?

— Да! Неловко вышло. Я как раз перечитывала письмо в телефоне и со всей дури влетела в него у „Палм Отеля“. Лоб Кейт покрылся морщинами, брови по-щенячьи сошлись. — Извинись ещё раз, ладно? Так глупо получилось.

Ищу часы на стенах.

Шум кофейни будто отодвинулся.

14:43.

— Да... Хорошо. В смысле ничего страшного.

В горле пересохло. Поднесла чашку к губам, но она оказалась пустой.

— Что ты там говорила насчёт девочки и съёмки?

— Завтра в десять утра в студию придёт девочка по имени... — Кейт постучала ногтями по столу и заглянула в айпад. — София.

Кейт подняла левую бровь.

— Просто работай так, будто камеры здесь нет.

С шумным выдохом молча кивнула.

14:43 впечаталось в сетчатку. Салфетка давно превратилась в рваные белые хлопья.

— Стилист и визажист будут в семь тридцать утра, — Кейт продолжала смотреть в свой бесконечный список задач для меня.

— Стилист? — возмущаюсь, разрывая салфетку на мелкие кусочки и нервно теребя их в пальцах. — Мне ещё и свою одежду нельзя? Из меня сделают павлина. Думаю, будет лучше, если останусь в своём привычном амплуа — джинсы и рубашка.

Кейт молча выслушала мою тираду и в своей привычной манере сложила руки на столе.

— Лин, это не для соцсетей, а для каталога, который увидят аукционные адреналинщики с бесконечными нулями на счетах. Пусть запомнят тебя сейчас. Чтобы на следующем аукционе дрались за право купить твою работу.

— Пойми, каждый художник хочет оставаться собой в этих буклетах. И в итоге все выглядят одинаково. Либо в льняных балахонах, либо в образе «вообще не старался».

Я наклонилась ближе.

— Как так вышло, что мой агент — ты?

— А кто ещё сделает эту работу лучше? — Кейт улыбнулась. Её красная помада даже ничуть не побледнела после еды. Чертовка.

Мужчины за соседними столиками то и дело косились на Кейт. За пять лет ни разу не видела, чтобы кто-то подошёл к ней.

Все только смотрели издали, как на реликвию под стеклянным куполом.

Смотреть можно, приближаться запрещено.

Через десять минут Кейт уже расплачивалась у стойки, параллельно отвечая на чьи-то сообщения.

— Не опаздывай завтра, — бросила она, надевая очки.

— Конечно!

— Угу, знаю я Вас мисс Харт.

Я фыркнула, наблюдая, как она выходит из кофейни — идеально прямая спина, быстрый шаг, телефон у уха ещё до того, как за ней закрылась дверь.

И только когда Кейт исчезла за стеклом, наконец достала телефон.

Новостные уведомления.

Рабочая почта.

Удаляю всё.

Захожу в WhatsApp. Чат «Любовь» закреплён самым первым.

Непрочитанных сообщений — ноль.

Последним осталось сообщение Лео — реакция на фотографию, которую я отправила вчера после душа. Запотевшее зеркало, влажные волосы и полотенце, кое-как перехваченное под грудью.

Я задержала палец на снимке.

«Удалить у всех?»

Да.

К пяти вечера я прихожу в студию, чтобы занять руки. Но уже сорок минут сижу на полу возле окна, наблюдая, как капли дождя соревнуются — кто быстрее доползёт вниз.

Запах дождя автоматически включает во мне режим меланхолии. Люблю дождь так же сильно, как люблю страдать вместо того, чтобы просто спросить: «Дорогой, ты где?»

Выдыхаю тёплый воздух на стекло и рисую сердечко.

Внутри снова появляется это липкое беспокойство. Последний раз такое было, когда мы только начали встречаться с Лео. Спустя две недели после знакомства мы уже ночевали вместе, разлучаясь только на работу.

Каждый раз, когда за Лео закрывалась дверь, внутри включалась сирена.

Он тоже уйдёт.

Я дёргалась на каждое уведомление его телефона, украдкой заглядывала в экран, ругала себя и делала вид, что всё в порядке.

Так продолжалось несколько недель.

Пока однажды Лео не вернулся позже обычного.

Опоздал.

Всего на каких-то полчаса.

Но к тому моменту я уже раз двадцать обошла квартиру по кругу. И когда он вернулся — просто не выдержала.

Опустилась на колени, уткнулась лицом в пуфик у входа и разрыдалась.

— Сладкая, что случилось? — испуганный мужчина моей мечты опустился рядом на пол, прислонился лбом к моей спине и ждал, пока я заговорю.

Это был самый тяжёлый разговор в наших отношениях.

Я выложила всё о своих страхах — грязных, навязчивых, унижительных. Признание в жуткой ревности, для которой не было ни единого повода, стало шоком для Лео. И огромным облегчением для меня.

В тот вечер мы ещё долго обсуждали наши отношения и вывели два важных правила:

Если кто-то почувствует непреодолимое желание прикоснуться к другому человеку — мы объясняем и расстаёмся.

Если между нами что-то начнёт ломаться, но мы всё ещё будем любить друг друга — идём к семейному психологу.

Что, если поломка уже случилась, а мы просто не заметили?

Как эта микроскопическая дырочка на капронках, которую утром не видишь, а вечером выйти в таком виде на улицу уже неприлично.

Я глубоко вдыхаю и шумно выдыхаю, прогоняя неприятные мысли.
Телефон на полу вибрирует от сообщения.
Любовь: Как дела, сладкая?

Я: Хорошо. Как у тебя? Вернулся?
Несколько раз перечитываю сообщение и в последний момент добавляю: «любовь».
Убираю телефон так, будто совсем не жду ответа.
В доме напротив наконец загорается свет.
Давно не виделись.

Я люблю наблюдать за ними с тех времён, как арендую эту студию. В перерывах между работой пьёшь кофе у окна — и волей-неволей становишься свидетелем чужой жизни. Особенно если молодая пара напротив по необъяснимым причинам против занавесок.

Окна — метра три в высоту и четыре в ширину. Вся их семейная драма — как на ладони: завтраки, секс, скандалы.

И поцелуй с другим мужчиной, пока её сидит в гостиной с друзьями.
Хотелось вымыться с хлоркой. Как после такого она могла спокойно сесть рядом?
Спустя год свет в квартире напротив перестал загораться.

Мужчина подходит к окну. На секунду мне кажется, что он тоже смотрит на меня.
Сует руку в карман и тянет за собой большой чемодан. Заходит в спальню, садится на край кровати и устало трёт лицо ладонями.

Его одиночество осязаемо.

Телефон снова вибрирует.

Любовь: Да, уже давно. Надо поговорить. Заеду к тебе?

Мне хочется сразу спросить, о чём разговор и почему это так важно, что нельзя написать.
Вместо этого набираю:

«Ок. Я в студии».

Ноги затекают от неудобной позы, но встать не хочется. Потеряв счёт времени, вспоминаю прошлое: первая встреча, второе свидание.

И день, когда Лео впервые посетил студию. Здесь были только пыль, обшарпанные стены и громкое эхо.

Тогда мне казалось: если у человека есть мастерская — успех сам свалится на голову.

Денег хватало на месяц аренды. Смогу ли оплатить следующий — не знала, но всё равно рискнула. Брала заказы, которые обычно отдавала знакомой. Не люблю бюсты.

Хорошо, что кормит меня Лео, иначе питалась бы глиной.

Едва дверь студии захлопывается за агентом по недвижимости, мой парень подхватывает меня на руки и кружит. Я расправляю руки и визжу от счастья до головокружения.

А после, как и положено молодой паре, мы поднимаем пыль и нагреваем помещение теплом своих тел.

Удивительно, как быстро мы вспыхивали в самом начале. Тогда всё в жизни можно было исправить бутылкой второсортного вина и хорошим сексом.

Дверь скрипит, выбивая меня из воспоминаний.

Обернувшись, вижу Лео на входе. Его брови дрогнули — заметил, что напугал меня.

Я улыбаюсь в ответ, и его лицо сразу смягчается.

Так сильно хочется броситься к нему на руки, закинув ноги на талию. Но вместо этого я медленно подхожу, покачивая бёдрами. Поймав своё отражение, незаметно выпрямляю плечи.

Лео наблюдает за каждым шагом, блуждая уставшим взглядом по моему телу. Рубашка непривычно расстёгнута на три пуговицы, пальто небрежно накинуто на руку.

— Привет, любовь. — Обнимаю мужа за шею и чмокаю, как обычно приветствуют друзья.

— Привет, сладкая. Скучала?

Пальто упало на пол, заполняя паузу.

— Очень.

Уголок его губ дёргается вверх, и на щеке появляется ямочка. Половина моего счастья живёт именно в этой улыбке.

Руки скользят по спине ниже, мягко сжимая ягодички.

В попытке поймать те же ощущения, что много лет назад, прикрываю глаза.

Но ощутима лишь тоска и мурашки от холода.

Как зажигалка, которая искрит, но никак не может разгореться вовсю.

Так хочется понять, что чувствует Лео, когда прикасается ко мне теперь.

Губы касаются моих — нежно, словно без слов прося разрешения поцеловать по-настоящему.

Я поддаюсь сразу.

Наши поцелуи становятся глубже. Медленнее. Голоднее.

Телефон в кармане брюк пищит противной мелодией.

Поцелуй замедляется. Лео выдыхает.

— Прости, сладкая. — Целует меня в нос и чуть отстраняется, чтобы ответить на звонок.

— Да, слушаю.

В трубке звучит мужской голос.

Алекс.

Опять.

Я закатываю глаза, и рука машинально тянется к полке. Быстро расставляю предметы: слева — плоские, справа — объёмные. Всё строго по линии.

— Нет, ни в коем случае не пускайте её, — он оборачивается, и взгляд становится напряжённым. — Да она моя...

Лео проходит к окну и снижает голос.

Я застываю.

Даже дышать перестаю, пытаюсь выцепить из тишины ещё хоть одно слово.

Кто она?

— Да. Спасибо. До завтра.

Звонок обрывается.

Несколько секунд Лео просто стоит ко мне спиной. Ладонь упирается в подоконник. Голова опущена.

Будто он собирается с силами.

Потом медленно поворачивается.

— Так на чём мы остановились?

Слишком спокойно.

Словно этих нескольких секунд не было.

Словно я ничего не слышала.

Он подходит ближе и проводит ладонью по моей руке.

— Ты хотел поговорить, — тихо напоминаю я.

Лео опускает глаза, потирает переносицу.

И вот это пугает сильнее всего.

Не звонок.

Не «не пускайте её».

Не чужая женщина.

А то, что впервые за долгое время он не знает, как смотреть на меня.

Наручные часы громко отсчитывают секунды.
— Даже не знаю, как сказать... — хрипло выдыхает он.

Глава 6

Под моей рукой сминалась хлопковая рубашка. В груди туго стянуло. Пальцы почему-то похолодели, хотя в студии было душно от ламп и запаха масляных красок.

— Только, пожалуйста, не психуй.

— Хорошо, хорошо. Говори уже, в чём дело? — эта пауза уже действовала на нервы.

— Твоя мать...

Лео помедлил, будто ждал, что я сейчас сорвусь.

— Она здесь.

— Где здесь? Сейчас здесь, внизу?

Я резко выпрямилась. Лопатки неприятно свело от напряжения.

— Нет, — спокойно ответил Лео. — Она в городе. Хочет встретиться с тобой. Мы случайно столкнулись, и она попросила передать тебе это.

— Господи, я думала, случилось что-то серьёзное.

Плечи Лео расслабились. Он притянул меня к себе в объятия. Его ладонь легла между моих лопаток — тёплая, тяжёлая.

— Ну да, — полушёпотом ответил он. — Я думал, ты отреагируешь хуже, — качает головой, изображая вихрь.

Я что — должна была расплакаться? Разозлиться?

Ничего внутри даже не дрогнуло. Только сердце один раз ударилось слишком сильно, будто споткнулось.

— Раньше ты грустила, если речь заходила о ней. Теперь вижу, что всё в порядке, — Лео взял мой подбородок в руку и с нежностью в голосе спросил: — Так ты встретишься с ней?

— Нет.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты знала: не стараюсь тебя переубедить. У неё рак. Метастазы уже везде. У неё нет времени. Не хочу, чтобы потом ты жалела, что не спросила у неё то, что всегда хотела.

Должна ли я сейчас чувствовать боль и сожаление? Она ведь моя мама. Она, в конце концов, просто человек, который умирает.

Пусто.

Только неприятная тяжесть под рёбрами и запах глины, от которого начинало подташнивать.

Нельзя исчезнуть из жизни ребёнка, а потом вернуться умирать красиво.

Двадцать восемь лет назад.

— С днём рождения тебя! С днём рождения тебя! С днём рождения, милая сладкая булочка! — мама поднесла кекс с шоколадной крошкой и одной зажжённой свечой.

— Загадывай желание и задувай, малышка.

Огонёк прыгал туда-сюда, будто ему весело.

Я хочу... Я хочу... — думала я, перебирая желания. Такое, которое не только порадует меня, но и поможет маме. Это оказалось сложно. Нам нужно было буквально всё.

Мама поругалась с отчимом, и нам пришлось ночевать в машине. Мама называла её Старушкой, но мне она нравилась.

У неё были розовые сиденья и маленькое розовое зеркало на спинке переднего сиденья, чтобы я могла смотреть на себя, когда ем, и не пачкаться.

Платьев у меня было немного. Если испачкаю любимое — с ромашками, — придётся надевать коричневое в клетку. А коричневый — некрасивый цвет. Поэтому я старалась кушать аккуратно, чтобы сохранить платье с ромашками подольше.

Вчера мама сказала, что оно стало «неприлично коротким». Я не совсем поняла, что это значит, но поняла другое — скоро его нельзя будет носить. Это было видно по маминому взгляду.

А еще Каждый раз когда я находила достаточно монеток покупала на заправке у кассы мешочек с кругляшками. Подвешивала на ручку возле своего сиденья и наслаждалась свежим ароматом. А то старушка пахла уже неприятно.

Мама добрая. Я её люблю, поэтому на каждый день рождения загадываю желания пополам: половину себе, половину маме. Себе — куклу, маме — хорошую зарплату. В прошлом году Санта принёс мне куклу.

Странно только, что желания приходится ждать так долго. Я ведь задуваю свечку сейчас, а подарок иногда появляется только через полгода. Или вообще на следующий день рождения.

— Милая, задувай уже.

Мне не нравится, когда меня торопят, но мамина нежная улыбка всё меняет.

Я сильно-сильно зажмурила глаза, чтобы желание отпечталось где-то во Вселенной. Набрала побольше воздуха — так много, что щёки чуть не треснули, — и резко выдохнула. Свечка погасла.

— Вот и молодец. С днём рождения, милая. Пусть у тебя всё будет хорошо. И главное — пусть тебе встретится хороший мужчина, который сделает твою жизнь счастливой.

— Мам, мне не нужен никакой мужчина. Они плохо пахнут и часто ругаются.

— К счастью, не все мужчины такие, как... — мама замолчала.

Она долго смотрела в окно. Кажется, ей стало грустно.

— Не все мужчины такие, как у мамы. Просто мне не везёт.

— А что надо делать, чтобы тебе повезло?

Мне не хотелось случайно сделать что-то плохое и испортить маме везение.

Мама снова задумалась, а потом завела машину.

— Сегодня мы будем спать на мягкой... — она махнула рукой. — Ну, почти на мягкой кровати.

— Урааа!

Прости, Старушка, я тебя люблю, но очень хочется спать на мягких подушках и укрываться тёплым-тёплым одеялом.

Мой смех разлетелся по машине.

Мама подхватила его и засмеялась вместе со мной. Ей было так весело, что на глазах выступили слёзы. Она смеялась и плакала одновременно.

Когда мы подъехали к отелю, уже начинало темнеть. Небо ещё было светлым, но фонари уже загорелись.

У меня в животе будто летали бабочки. Щёки болели от улыбки, которая никак не хотела исчезать.

Мама повернула ключ в зажигании, и Старушка недовольно затарахтела и остановилась.

Я буду по тебе скучать.

Рюкзак. Туфельки. Хотя зачем мне ночью туфельки? А если пригодятся?!

— Мам... А где мой Хлебчик?

Моя любимая мягкая игрушка, которую я загадала на пятый день рождения. Это розовый единорог. Правда, мой больше похож на буханку хлеба — только с мордочкой и блестящим рогом.

Не знаю, почему он такой странный, но я влюбилась в него сразу, как только открыла пакет с подарком. Тогда я подумала, что кроме меня его никто не полюбит, поэтому буду его охранять.

— Мам, где Хлебчик?

Мне совсем не хотелось расстраивать маму, но слёзы сами побежали по щекам. Я боялась его потерять.

Маленькие капли быстро превратились в настоящий водопад. Воздух застрял в горле. В ушах шумело, а мир вокруг стал размытым. Не видно ни мамы, ни Хлебчика. Даже Старушку не видно.

— Вот он! Вот он! — строгий мамин голос звучал будто очень далеко, пока она не начала трясти игрушкой у меня перед лицом. — Вот он!

Слёзы начали отступать. Мир медленно возвращался обратно. Вот мама. Вот Старушка. Я крепко прижала единорога к себе.

— Спасибо, мама, — всхлипывая, сказала я, чтобы она больше не злилась.

— А теперь идём, нам пора!

Я побежала за мамой. Она шла так быстро и даже не оглядывалась. Остановилась только у двери в отель и махнула рукой, чтобы я скорее заходила.

— Добрый вечер. Ну пожалуйста, номер на одну ночь!

— Добрый вечер, красавица! Есть с двумя кроватями и с одной большой. Какой выбираете?

— Гулять так гулять! Давайте с большой! — мама радостно махнула кредиткой. Совсем новой. Раньше я её не видела.

Комната, в которую нас заселили, была огромной. Даже с собственной ванной и горячей водой. Мама сказала, что я могу покупаться с пенкой.

Ванная была белоснежной. Иногда я замечала гостей — тараканов. Они появлялись неожиданно: сидели возле трубы или быстро пробежали вдоль стены, смешно шевеля усиками. Я всегда давала им имена. Того, что побольше, звали Таракан Гоша. А того, что маленький и быстрый, — Таракан Гошевич. Я решила, что Гошевич — это сын Гоши.

Наверняка они тоже здесь живут. Просто выходят посмотреть на людей, когда становится тихо.

Мама завернула меня в мягкое полотенце. Отнесла на руках на большую кровать она пахла как цветы в клумбе супермаркета. А на ужин у нас были самые лучшие блюда на свете: два Twix и две пачки чипсов.

Это был самый лучший день рождения.

— Это тебе... — неожиданно мама протянула маленькую синюю коробочку из бархата.

— Ва-а-а! — я запищала от восторга. Даже если бы внутри ничего не было, а подарком оказалась сама коробочка, я бы всё равно обрадовалась. Она была очень красивая.

— Открывай скорее!

Внутри, на белой подушечке, лежала тонкая цепочка с маленькой феей.

— Какая красивая... Это мне?

— Конечно тебе, глупышка.

Мама осторожно подняла цепочку, и холодный металл скользнул по моей шее. Я даже замерла.

— Всё. Теперь у тебя есть своя фея.

Подвеска была маленькая, с прозрачными блестящими крылышками. Я сразу решила, что она умеет исполнять желания. Наверное, именно такие феи помогают людям находить дома, хорошие зарплаты и новые платья с ромашками.

— Не снимай её, хорошо? — тихо сказала мама.

Я быстро закивала и прижала фею пальцами к груди, будто кто-то мог её забрать.

— Подъём! Нам пора!

Занавески звякнули, глаза щипало от яркого света.

— Мааам...

— Быстро! — мама скинула с меня одеяло, взяла под мышки, и я очутилась возле раковины.

Еле разлепив глаза, увидела в отражении маленькое пугало. Волосы так смешно запутались — ещё немного, и оттуда выпадет крыска с розмарином.

Ледяная вода брызнула в лицо. Мама зачихала мне в рот зубную щётку. Обычно я сама чищу зубы, а сегодня мама чистит мне зубки. Заботушка моя.

— Ещё ускоряемся!

Длинные волосы летали по комнате, как плащ супергероини.

— Я готова! — хлопаю туфелькой о бок второй туфельки, как солдат.

Мама взглянула на меня с грустной улыбкой. Я подошла, взяла её ладошками за щёки и чмокнула.

— Мы что, не поедем на Старушке?

Мама тянула меня за руку. Она шла так быстро, что мне приходилось почти бежать. Лямки рюкзака постоянно спадали, и я не успевала их поправлять.

— Нет. Мы пришли, — мама махнула рукой в сторону разноцветного здания неподалёку от мотеля, где мы ночевали.

— Вааау... Это что, такая школа?

Во дворе бегали дети. Одни — в школьной форме, другие — в футболках и шортах. Они ходили как-то странно, словно собирали с пола монетки, только все в один ряд.

— Угу...

— И я тоже тут буду учиться?

— Угу.

— И у меня будет такая форма?

— Да! — вскрикнула мама, только шёпотом. — Помолчи, Ю, хорошо? Я тебя оформлю, и ты останешься в этой школе.

— А ты?

— А я поеду искать работу.

— А потом?

— Потом буду работать. Тебе надо только дождаться меня, когда я смогу снять нам жильё.

— И мы будем совсем вдвоём? — радостно запищала я, подпрыгивая на ходу.

— Да, милая... Надеюсь на это.

Мы прошли внутрь по длинному коридору, наполненному детьми. На нас все смотрели. Я улыбалась каждому.

— Сиди тут и никуда не уходи.

Мама зашла в кабинет и закрыла за собой дверь.

Скучно просто сидеть и ждать. Но мама и так сегодня грустит, лучше буду послушной.

Сердце замерло, когда дёрнулась ручка. Потом дверь скрипнула и распахнулась.

Ура, мамочка.

— Да, конечно, я буду приходить каждый день, — мама стояла ко мне спиной и разговаривала с красивой толстой тётёй. — Она хорошая, послушная девочка. Проблем не принесёт.

— Конечно, не сомневаюсь. Разве может такая красавица быть врединой?

— А вредины бывают и красивыми, — я быстро закрыла рот рукой, вспомнив, что мне нельзя вступать в разговоры взрослых.

— А ты их видела?

— Да. Это мама.

Женщины рассмеялись. Мамин взгляд говорил, что мне лучше помолчать.

— Пойдём, дорогая. Я покажу тебе комнату и познакомлю с соседками.

Мама молча помахала рукой, отправила воздушный поцелуй, развернулась и пошла по длинному коридору.

Всю дорогу я смотрела на неё через плечо, пока она не скрылась в толпе детей. По щекам покатались слёзы. Я не хотела оставаться здесь без мамы.

— Когда мама меня заберёт?

— Как только снимет для вас жильё. Не волнуйся, всё будет хорошо. Маме просто надо привести финансовые вопросы в порядок, чтобы она могла тебя кормить.

— Но мама всегда меня кормит.

— Конечно, дорогая. Вот... — тётя открыла дверь в большую комнату, где стояли тысячи кроватей с розовыми одеялами. — Это твоя комната. Проходи.

Кажется, моя челюсть ползла за мной по полу. Стены были синие, в ромашку. Совсем как моё платье. Щёки тянуло от засохших слёз, а я всё равно улыбалась во весь рот.

Моя кровать оказалась возле окна, которое выходило прямо на вход, через который мы с мамой пришли. Отсюда я смогу видеть, как мама будет приходить за мной. Вот она обрадуется, когда увидит, что я её встречаю.

Поднимаю хлебчика, чтобы показать ему наш новый вид из окна. Хотя бы он будет рядом.

Глава 7

Ритмичная музыка заполняла студию, подталкивала двигаться в такт. Воздух вибрировал от басов, отдаваясь в рёбрах. Под потолком гудел кондиционер, гоняя тёплый воздух вперемешку с запахом лака для волос и горячего утюжка.

На тридцати квадратных метрах каким-то образом расположилась команда из шести человек, ворох шмотья и профессиональная фототехника.

Не знаю, заслуга Кейт это или самой стилистки, но костюмы с перьями остались висеть нетронутыми. Подобранные образы вполне вписывались в мой гардероб. Представив их в своём шкафу, я прикусила губу, сдерживая улыбку.

Заметив бирки, я усмехнулась себе под нос — безумно дорогие шмотки не станут соседствовать с моими джинсами из масс-маркета. Главное — не заляпать бы всё глиной. И всё же в отражении зеркала была другая женщина. Статная, словно родилась с голубой кровью. Gucci и Chanel мне выдали ещё в роддоме, а не как участнице выставки.

Три слоя косметики ощущались свинцовой маской. Интересно, улыбнусь чуть шире — и эта вторая кожа потрескается?

— Детка, камера съест макияж и оставит ровно столько, что все подумают: «Вау, она такая натуральная», — фотограф усмехнулся, читая моё молчаливое возмущение.

Я кивнула. Спорить с ним было бессмысленно. Лишь бы поскорее всё закончилось.

Затвор щёлкал без остановки, глаза покалывало. Фотограф не унимался с вопросами.

— Кстати, ты делала пластику? — он сложил руки, как оценщик в картинной галерее, похлопывая пальцем по губам.

— Эмм... Это разве не запрещённый вопрос? Такое можно спрашивать у женщин?

— Детка, мне можно всё.

Он звучал как карикатурный персонаж из модной комедии, которому прощались все колкости и глупые замечания.

— И нет. Хирург меня не касался.

— Ботокс? — с искренним любопытством уточнил он.

— Мне тридцать пять, а не шестьдесят, — выпалила вместе с нервным смехом.

— Ну, по меркам моего мира ты старушка, детка.

— Хорошо, что я из другого мира.

В моей студии ещё никогда не было так много людей... и вещей.

Мой рабочий угол выглядел безупречно. Всё стояло идеально, но так, словно никто не старался, а небрежность демонстрировала, что творческий беспорядок — это красиво.

Чего не скажешь о другой части студии. Она перестала быть моей, как только эта банда переступила порог.

Через шесть часов труда, когда уже гудела голова, а желудок скручивало, мы наконец закончили.

С голливудской укладкой и фарфоровым макияжем я отправилась в любимую кофейню за углом. Кажется, весна вернулась из двухнедельного отпуска. Тёплый ветерок касался моих прядей. Закатное солнце окрасило мои волосы в рыжую медь. Вдоль тротуара распустились ярко-жёлтые цветы. Останавливаюсь у входа в кофейню, глубоко вдыхаю, наполняя лёгкие ароматом сада и выхлопных газов.

Желудок угрожающе заурчал, замечая, что все столики заняты. Ладонь автоматически накрыла его, то ли успокаивая, то ли затыкая. Где-то рядом открыли духовку, и по залу поплыл запах корицы.

С надеждой прохожу вглубь помещения и только убеждаюсь в своём провале.

— Лина!

Сквозь музыку казалось, что кто-то зовёт именно меня. Бас бил прямо в грудную клетку, голоса людей расплывались, как сквозь воду.

Оглядываюсь по сторонам. Никого не узнаю. Есть несколько людей, которые тоже постоянно бывают здесь, но лично мы не знакомы.

— Лина! Сюда!

Девушка у окна машет рукой и показывает на место за своим столиком. Блондинка с аккуратными чертами лица и слишком правильной внешностью. Лёгкая блузка и джинсы — просто, ухоженно, без лишних деталей.

Желудок издал ещё один истошный вопль. Неуверенно подхожу ближе.

— Верона. — Кофемолка взвизгнула за стойкой, заглушая мой недружелюбный ответ. Звук был резким, металлическим, будто кто-то провёл вилкой по стеклу. — Привет.

— Привет. Уже думала, не узнаешь. Рада тебя видеть.

В отличие от меня, её голос звучал мило, а глаза искренне улыбались.

— Нет! Узнала. Просто... от усталости не разглядела сразу, — выжала из себя, как можно больше позитива.

— Я как раз только пришла. Перекусим вместе? Вроде живём в одном комплексе, а встретились вообще в другом месте. Наверное, это судьба нас сводит.

Её вопросы оставались без ответа. Полсекунды мучительных поисков подходящей реакции — и всё, что удалось выдать:

— Угу...

Машу официанту. Если бы не голод, сбежала бы от этих неловких бесед. От неё так и веяло беззаботностью, а в глазах будто стоял розовый фильтр.

— Как идёт подготовка к выставке? Жду не дождусь посмотреть на твою работу. Кстати, на нас можешь билеты не брать.

Вода пошла не в то горло. Будто внутри застрял не глоток, а целое слово.

— Вы не пойдёте? — прокашлявшись, уточнила.

— Ой, конечно, придём! — Верона перешла на тонкий голосок, хлопая в ладоши. — Я оставила заявку на участие в качестве инфлюенсера, и меня одобрили.

За столиком стало тихо только, когда принимали заказ.

Невеста моего бывшего жевала салат, который иногда вываливался изо рта, и при этом абсолютно не стеснялась быть собой.

— Большинство девчонок набирают свой первый миллион за счёт отношений.

Впервые в её голосе просочилась досада.

— Но мой мужчина не хочет, чтобы я афишировала наши отношения.

Да. Узнаю Алекса.

— Ой, прости. Я своей болтовнёй уже утомила тебя. У меня в этом городе, кроме Александра, никого нет. Разговариваю только с ним, официантами и дедулей-смотрителем за лифтом.

— Кэп, — я сжала губы в снисходительной улыбке.

— Что?

— Дедулю мы зовём Кэп. Он славный.

— А-а, да. И правда славный.

Я отложила приборы, сложила руки на столе, как за партой, слегка подаваясь вперёд.

— Александр тоже тут впервые? — Имя всё ещё цеплялось за язык. Может, обо мне говорил?

— Да. Изучаем город вместе. Есть в этом что-то романтическое.

Ноготь впился в ладонь. Растягиваю губы в улыбке, от которой сводит челюсть.

— Здорово. Вы... эм... красивая пара.

— А вы какая красивая пара! — улыбка Барби и взгляд сверкающей феи. — Вы словно два лебедя. Я своему жениху все уши прожужжала: надо подружиться с этой сладкой парочкой. Вы же уже много лет женаты?

— Да. Четырнадцать лет.

— Обалдеть. Мы вместе полтора года и полгода обручены. Мама говорит, это слишком быстро. Надо узнать человека. Сделать ремонт.

Звонкий смех заполнил зал.

— А я ей говорю, он любовь всей моей жизни. Взрослый, красивый, при деньгах. А романтик какой...

Она прижала руки к груди, как диснеевская принцесса на концерте для птиц и лесных жителей.

Зефирка. Очень романтичное прозвище.

— А какой секс, — перешла на шёпот и закатила глаза от наслаждения. — Лучший! Ни дня ещё не прошло без жарких вечеров.

Навязчивые образы промелькнули перед глазами. Наша квартирка. Обшарпанные окна. Матрас без кровати. Два обнажённых тела. Только вместо меня — Верона.

Откашливаюсь. Расставляю приборы в ряд.

— У вас ещё конфетно-букетный период не прошёл.

Кручу вилку слишком быстро. Ещё немного, и она соскользнет Вероне прямо в глаз.

— Страсть не угаснет, пока живёт любовь, — позитивно заметила невеста моего бывшего.

— Посмотрим на вас через пятнадцать лет.

Очередная доза смеха разразилась по залу.

— Поэтому мы наслаждаемся каждым моментом.

Верона начала рыться в сумке, высыпала всё содержимое на диван, схватила телефон, и только тогда послышался мягкий голос Билли Айлиш: «I love you».

Она едва заметно закатила глаза, губы надулись от тяжёлого выдоха.

— Извини, это мама. Звонит мне по три раза на день... — прикладывая телефон к уху, направилась к выходу.

— Повезло, — искренне ответила я, когда меня уже неслышно.

Зачем я вообще здесь сижу?

Достала телефон, чтобы вызвать такси. После разблокировки сразу открылся Instagram. В новых сообщениях отметка от аккаунта, который совсем недавно был досконально изучен. В посте фотография нашего стола, видно мою руку на бокале. Дизайнерские кольца на элегантно сложенных пальцах. Стекающая капля воды. Выглядит очень стильно. Подпись: «Приятный бранч с новой подружкой». Восемьсот девять лайков, двести сорок комментариев. Кейт будет рада. Эн поворчит. Принимаю запрос на совместный пост. Фотография появляется в моей ленте.

Что, если Алекс сидит в социальных сетях под пустым аккаунтом? Что подумает, когда увидит «новую подружку»? Попросит невесту не общаться со мной? Или всё так же сделает вид, что всё нормально?

В груди скрутило. Не хочу, чтобы он занимал больше места в моей голове, чем собственный муж.

Набираю сообщение Лео:

Я: Соскучилась.

Ответ приходит мгновенно:

Любовь: Я тоже, сладкая. Ещё немного — и всё закончится.

Не успела тревога прокатиться по телу, как три точки затанцевали, и пришло новое сообщение:

Любовь: Будет больше свободного времени, съездим в отпуск.

Верона плюхнулась на диван.

— Извини, о чём мы говорили? — закидывает свой хлам обратно в сумку.

— Эмм... не помню. — Не глядя на неё, машу официанту картой в руке. — Общий счёт, пожалуйста.

— Ой, давай лучше я оплачу. — Смущённая моим угощением, Верона снова начинает копаться в своих вещах.

Чек со скрипом вытянулся из терминала. Официант вежливо улыбнулся и заинтересованно мазнул взглядом по блондинке.

— Тогда в следующий раз оплата на мне. А давай я тебя подвезу? Ты домой?

— Да... да, домой. — Вспоминая, что сейчас час пик и такси придётся ждать дольше обычного, я была даже благодарна такому предложению.

Верона уткнулась в телефон и через пару минут сказала:

— Можем идти.

Усталость придавливала к земле. Лишь каблук не позволяли окончательно развалиться, превращая обычную походку в уверенное покачивание бёдер.

— А вот и мой красавчик...

Время замедлилось. Поднимаю голову — слишком поздно понимаю, что речь не о машине, а о водителе. Моя уверенная походка даёт сбой прямо в движении.

Алекс.

Чёрные брюки в белую полоску, футболка-поло молочного цвета. Он выглядел как манекен из дорогого бутика. Идеально отглаженный. Идеально уложенный.

Он вышел из салона, ожидая свою невесту. Бровь слегка дёрнулась, или мне почудилось. Затронув нос лёгким движением, убрал руку в карман, второй держал дверь пассажирского места.

— Привет, дорогой.

Сладкая парочка чмокнулась, как школьники под присмотром родителей.

— Я эмм... всё-таки... лучше на такси. Не хочу вам мешать.

Камень попал под туфлю, чуть запнувшись, роняю сумку на асфальт.

Они оба обернулись. Верона подскочила ко мне, подняла сумку, схватила под руку и повела к машине.

— Брось, что за глупости. Как ты можешь мешать? К тому же ты меня покормила, а я тебя подвезу.

Сопротивляться было нельзя — выглядело бы подозрительно.

Дверь за мной закрыл Алекс. Запах нового салона затмевал мужской аромат. Салон был слишком идеальным. Новая кожа сидений пахла смесью химии и лёгкой сладости, как в машине, которую только что забрали из салона. Я отвернулась к окну. Ехали молча, лишь на светофорах подружка выдавала короткую реплику.

Машина снова остановилась, на этот раз чуть резче. Я немного подалась вперёд, ремень безопасности слегка впился в ключицу. Глаза поднялись к лобовому стеклу, а затем в зеркало.

Алекс смотрел на меня.

Секунда. Вторая.

В салоне стало так тихо, что я слышала собственное дыхание. Не смотри. Стоп. Кто-то должен отвести взгляд, кто-то должен сдаться.

Позади загудели. Светофор позеленел. Он дёрнул рычаг передач, надавил на газ — с визгом автомобиль тронулся.

Я снова уставилась на улицу. Сердце колотилось, не успевая качать новую дозу кислорода.

В отражении сбоку Верона сидела, уткнувшись в телефон. Молчала с таким увлечением, будто проходила экзамен по спасению мира. На деле, скорее всего, выбирала, какой вариант своей идеальной жизни ещё отправить в ленту.

— Вот чёрт. — Первое ругательство произнесла принцесса, моя бровь поднялась вверх. — Я забыла, что у меня встреча с будущей ассистенткой. Дорогой, где-нибудь тут меня высади.

— Доедем до места встречи, — сухо ответил Алекс.

— Мы только что проехали место встречи, пока ты будешь разворачиваться, я опоздаю. Остановись. Тут пробежать пять минут.

Верона вылезла головой ко мне:

— Спасибо за встречу, было приятно провести с кем-то время, кто не связан с работой. Александр тебя довезёт. Вам всё равно по пути, он тебя даже не заметит. — Последняя фраза прыснула смешком.

— Хочешь вперёд пересесть? Вам ещё полчаса добираться по этим пробкам. — Верона заглянула обратно в салон.

— А? А, нет, спасибо. Предпочитаю простор. — Чего по мне не скажешь: вжалась к двери и срослась с окном.

— Пока, зефирка.

Александр запнулся. Как и запнулось моё сердце, пропуская удар.

«Моя любимая зефирка».

Кольца на пальцах звенели, я снова и снова задевала их ногтем большого пальца, проворачивая очередной круг. Надо было выйти вместе с ней и сказать, что у меня тоже... о боже мой, какое совпадение, дела именно в этом районе. Представляю лицо Эн, когда буду ей это пересказывать.

Под гул пробки Алекс что-то сказал. Вздрогнув, поднимаю взгляд.

— Что?

— Как дела с выставкой? — его голос звучал спокойно, почти лениво. Руки плавно повели руль влево, и это простое движение почему-то перехватило внимание сильнее, чем сам вопрос.

— А... эм... отлично. — Ответ эхом звучал в голове, писклявым сбивчивым голосом. Хотелось прижаться лбом к холодному стеклу и исчезнуть из собственного тела.

— Здорово. Волнуешься? — Взгляды снова встретились в зеркале, зацепились друг за друга.

— Неет. Вовсе нет.

— Серьёзно? — Уголки губ Алекса приподнялись вверх.

Образ прошлого давил на виски. Брови тянулись друг к другу. Пришлось приложить усилие, чтобы расслабить лицо.

Он больше не мог.

— Я знаю, о чём ты думаешь. — Алекс опустил руль и расслабился на кресле. Его локоть расположился на подлокотнике, а кисть придерживала голову.

— М? — Мне, наверное, послышалось.

Тошнота подступила. Щёки покалывало от напряжения.

— Знаю, о чём ты думаешь...

— И что же?

Маска на моём лице дрогнула. Скажи, что помнишь...

— Что это просто светская беседа. — Уголок его губ дрогнул. — Но мне правда интересно. Я поклонник... — он обернулся, словно это нормально, — искусства.

Я молча смотрела в серые глаза, пока внутри всё кричало. По лицу медленно расползлась мягкая улыбка.

— Верона рассказывала, — вру, не отводя взгляда и позволяя ему продолжать игру.

Глава 8

15 лет назад

Сквозь сон слышу шуршание рядом. Солнце нещадно выжигает зрение, в тонкую щель глаза замечаю мужскую спину. Алекс тихонечко встает, морщится от скрипов матраса. Аккуратно склоняется надо мной легким движением накрывает одеялом. На секунду задерживается, я зарываюсь в подушку, притворяясь спящей.

Вдыхаю аромат до головокружения — запах Алекса въедается в легкие.

Морщусь от осознания.

Еще одна ночь в его квартире. Не хватает только зубную щетку достать из сумки и кинуть в стакан на раковине.

Даже букет с первого свидания стоит здесь. На деревянном обшарпанном стуле в банке из-под растворимого кофе. Цветы давно пожухли, листья осыпались, а воды словно и не было. Но он их почему-то не выбросил.

С кухни доносится шипение на плите. Посуда звонко брякнула о раковину. Послышались ругательства. Я делаю вид, что не слышу, но уголок губ всё равно дергается.

Аромат кофе заполнил квартирку, создавая ощущение утра дома.

И как устоять перед парнем, который полночи не выпускал из рук доставляя удовольствие каждым прикосновением, а утро готовит завтрак?!

Протяжный выдох вырывается наружу.

Липкие шаги по кафелю звучат всё ближе, и я снова уткнулась лицом в подушку.

Он наклоняется слишком близко — не для поцелуя, а будто хочет что-то сказать — и я чувствую, как его дыхание касается кожи случайно, без намерения.

От этого почему-то хуже, чем от прикосновения.

Волосы едва заметно шевелятся от его выдоха.

— Красотка, кофе готов. — его голос звучал низко, тепло, почти касаясь кожи.

Он склоняется надо мной, и я всё-таки приоткрываю глаза.

— Спишь? — шепчет, проводя тыльной стороной ладони по моей щеке.

Я киваю, но не могу сдержать улыбку.

— Точно? — он приподнимает бровь, и его пальцы скользят к моему подбородку, слегка приподнимая его.

— Почти, — бормочу, приоткрывая один глаз. — Но запах кофе будит лучше будильника.

— Значит, план сработал, — он тихо смеётся, отступает на шаг. — Вставай, соня. Или я сам тебя подниму.

— Угрожаешь? — я наконец открываю оба глаза и протягиваю руку.

Он хватается её, тянет вверх, помогая сесть.

— Предупреждаю, — подмигивает и отпускает мою ладонь, оставляя после прикосновения приятное тепло.

Серые спортивные штаны сидят низко на бёдрах, обнажая рельефный торс. По бокам тянутся чёткие, будто выточенные из камня линии мышц.

Как же сильно мне хочется запечатлеть каждую из них в глине.

Короткие поцелуи продолжали рассыпаться по моей спине, будто ему хотелось оставить их как можно больше. Лишь колючая борода, царапающая кожу, возвращала в реальность.

— М-м-м... Доброе утро, красавчик! — протянула я с наигранной сонливостью.

— Доброе утро, зефирка! — он поставил чашку на пол рядом с кроватью. Она звякнула, чёрные капли попали на угол матраса. — Как спалось?

Алекс убирает прядь волос с моего лица, поглаживает ухо большим пальцем. Его глаза становятся светлее — то ли от яркого солнца, то ли от нежности. На мгновение я прикрываю глаза от наслаждения, забывая о вопросе.

Рядом с ним слишком легко.

— Ммм... — гортанно протягиваю: — хо-ро-шо.

— Даже не супер? — его рука опустилась на моё плечо, бровь приподнялась вверх. — Не «это лучшая ночь»? — с горящими глазами оставляет кавычки в воздухе.

— Ты спросил, как спалось, — хихикаю в ответ, — а не как прошла ночь.

Лицо заливает краской, прячусь за чашкой, которая условно уже стала моей.

Гадость. Улыбаюсь, будто так и надо.

И как он вообще умудряется выглядеть таким уверенным на этой кухне, если кофе — откровенно провальный. Так и запишем: «из минусов — плохо варит кофе».

Чёрт. Мысленно морщусь. Этого мало, чтобы уйти первой...

— Ну-у? — Алекс все еще ждет ответа на вопрос, который сам так и не задал.

Я откинула одеяло и, придвинувшись так близко, что наши дыхания смешались.

— Это была лучшая ночь в моей жизни. — шепчу прямо в ухо почти касаясь губами.

Алекс легко рассмеялся, прижимаясь лбом к моему лбу. Такой простой жест кажется интимнее самого секса.

— Пожалуй, я тебя отсюда никогда не выпущу.

Я взвизгнула — и в следующий миг он уже прижал меня обратно к постели, нависая сверху. В комнате, залитой утренним светом, пылинки плавали в воздухе, как медленные искры.

Его взгляд задержался на моём лице — не просто посмотрел, а будто пересчитал: веснушки, родинки, линии. Слишком внимательно и близко.

Надеюсь, усики ещё не успели вылезти.

Прикусываю припухшую губу от ночных поцелуев. Пожалуйста, не отпускай меня.

Алекс замечает покраснение и легонько проходится по ним кончиком языка. Увлажняет мои губы накрывает их своими. Кроткий, нежный поцелуй переходит ниже по шее. Я медленно наполнила легкие кислородом готовясь задержать дыхание.

Если я остаюсь, мне важно знать кто мы и есть ли вообще “мы” за пределами этого матраса. Вопрос вот-вот сорвется. Представляю, как это звучит и реакцию Алекса. Живот скручивается.

Если не спрошу, буду мучиться.

Поцелуи становились всё смелее, переходя в лёгкие укусы, будто он нащупывал ту самую грань, за которой мне станет слишком много. А потом тут же сглаживал резкость невесомой лаской, и от этой смены жара и прохлады у меня темнело в глазах.

Я растекаюсь под тяжестью его тела. Пусть время остановится, лишь бы всегда быть рядом.

Избавляюсь от едкой мысли, углубляя поцелуй. Его рука проникает под волосы, тело мгновенно реагирует холодной россыпью по всему телу.

— Какая ты сладкая... — впивается зубами в шею, после чего еле слышно произносит — Ты моя.

Он говорит это так спокойно, будто проверяет, как я отреагирую, а не утверждает факт.

От приятной боли срывается стон, по коже пробежала теплая волна.

“Ты моя” эхом доносится до моего сердца.

Бабочки превратились в свинцовых птиц, бьющихся о рёбра.

Толкаю Алекса в грудь освобождаясь из его тисков. Он подчиняется, ложится рядом.

— Прости, у меня дела. — хихикая убегаю в ванную.

— Что? — протягивает руку, хватая воздух.

— Не-ет. — Доносится уже за закрытой дверью. Зашелкиваю замок.

Делаю шаг к раковине, ступаю на мягкий белый коврик. В зеркале отражение сияющих глаз, с синяками от недосыпов. Плескаю в лицо холодной водой, стараясь привести себя в порядок. М-да. Вот так красotka. И это помятое чудо он разглядывал все утро?! Хмыкаю себе под нос.

Какой вообще сегодня день?!

Достаю щетку из косметички и ставлю ее в стакан. Внимательно смотрю, как она выглядит, прежде чем убрать обратно.

Выйдя из ванной, я вздрогнула. Алекс ждал прямо у двери. Одной рукой он придерживал полотенце на плече, второй опирался о стену. Штаны небрежно валялись рядом.

— Теперь дела у меня. — произносит он с усмешкой, мягко отодвигая меня в сторону. Медленно, со скрипом закрывает дверь, нарочно демонстрируя своё тело. Пытаюсь сохранить невозмутимость, но безуспешно. Губы не слушаются, широкая улыбка расползается по лицу.

Не теряя возможности узнать Алекса получше, медленно подхожу к стеллажу с вещами. Мои пальцы слегка подрагивают от любопытства. На полках идеальный порядок: аккуратно расставлены книги, стопки блокнотов. Сверху замечаю лист бумаги с чёрным шрифтом, часть текста скрыта лежащей сверху книгой.

Глаза зацепились за странные слова. Я прищурилась, пытаюсь разобрать буквы, проговаривая их мысленно.

Lebenslauf.

2011, München

Alexander...

Немецкий?

Мысли медленно складывались, как будто мозг лениво догонял происходящее. Я снова пробежалась взглядом по строкам — уже внимательнее.

Это резюме?

Я чуть отступила, будто бумага могла меня выдать.

Сердце начинает биться чаще. С трудом сдерживая волнение, осторожно поднимаю книгу. Но не успеваю разобрать ни слова — резкий щелчок замка в ванной заставляет меня вздрогнуть. Инстинктивно отдёргиваю руку за спину, словно пойманная на месте преступления.

— Ты проголодалась? — его влажные волосы завиваются мелкими кудрями, капли воды блестят на коже.

— Да, если не накормишь в ближайшее время, съем тебя. — отвечаю резче, чем планировала.

Он только ухмыляется, наслаждаясь эффектом.

— Начни отсюда, — демонстративно роняет полотенце, открывая вид на своё тело. Его серые глаза блестят от озорства, а на губах играет знакомая усмешка.

— Съем, а не зацелую. — скалюсь издавая рычание — Зубами. Прокусывая плоть.

Алекс заметно поежился.

— Тогда пойдем в лучшее заведение в мире.

Натягиваю вчерашнее платье, жалея, что из-за упрямства не взяла сменную одежду на следующий день. Конечно, ведь следующего утра в чужом доме не планировалось. Как и предыдущие две или три недели. Платье сидит тесно, приходится приложить усилия, чтобы протиснуть бёдра.

В зеркале вижу, как меняется выражение лица Алекса, пока я вожусь с одеждой. Наконец удаётся натянуть платье, и я поправляю лямку на плече. Его взгляд становится более внимательным, почти изучающим, пока я вожусь с нарядом.

— Кажется, вчера оно было длиннее, — произносит он, потянув подол платья вниз в попытке удлинить его.

Я не могу сдерживать смех:

— Что ты делаешь? — хихикаю, подтягивая ткань обратно.

Его руки обвивают мою талию сзади, прижимая к своему телу.

— Больше не надевай это платье, — его голос становится хриплым, — а то, боюсь, украдут моё сокровище.

Подбородком опускается на мою голову, крепче прижимается в объятии. Брови слегка нахмурены, но мягкая улыбка не сходит с лица, делая весь его вид невероятно притягательным.

Мы просто стояли и смотрели на пару в отражении. Месяц назад я даже не подозревала о его существовании, а сегодня боюсь представить мир, в котором он не обнимает меня сзади.

— Может, мою рубашку повяжешь? Или наденешь мои брюки?! — смеётся он над собственной шуткой, распыляя духи на футболку, шею и волосы с расстояния вытянутой руки.

— Похоже, это мне надо переживать, — прокашливаюсь от резкого аромата. — Да на тебя сейчас все ангелы с небес сбегутся!

— Наоборот, это оберег. Маскирую свой обольстительный мужской запах, — отвечает он, поглаживая тыльной стороной руки трехдневную бороду.

Он выглядит как мужчина с билборда рекламы Dior Savage. Мой мужчина.

Мы вышли на улицу, и Алекс, крепко держа мою руку в своей, повёл меня по оживлённой улице к своему любимому китайскому ресторанчику. Его пальцы слегка сжимали мою ладонь, поглаживая большим пальцем.

— Здесь случится твой первый гастрономический оргазм, — уверял он, пока мы шли, то и дело наклоняясь ко мне, чтобы что-то шепнуть на ухо.

— Если это будет хотя бы половина того, что было ночью, — я уже в восторге, — шепчу в ответ, слегка толкая его локтем.

Он рассмеялся, перехватил мою руку, переплёл пальцы.

— Осторожнее с такими сравнениями, а то мы так и не дойдём до ресторана.

Ветер подхватил прядь моих волос, бросил ему в лицо. Алекс сморщился, отмахнулся.

Я смеялась, чувствуя тепло его тела рядом, но украдкой рассматривала вывеску заведения. Ресторан выглядел так, будто обещал скорее проблемы с желудком, чем гастрономические удовольствия.

Алекс вошел внутрь сделать заказ. Я села на улице под пляжным зонтом, взяла в руки традиционную фигурку кошки. Она грациозно сидела, подняв переднюю лапу, а на шее поблескивала миниатюрная золотая монетка. Внезапно в отражении талисмана мелькнуло движение. Кто-то тихонько постучал по плечу, и моё сердце подскочило к горлу.

Обернувшись, сначала в одну сторону — ветер трепал волосы, мешая разглядеть, — потом в другую, я увидела знакомую фигуру. Подняв глаза, встретила улыбку старого друга.

— О боже мой! Привет! — я вскакиваю со стула, чтобы обнять школьного друга.

— Как ты? — Тим не отпускает мои руки, разглядывая меня так, как обычно смотрят после долгой разлуки. — Куда пропала?

— Я... эм... — запинаясь, заметив приближающийся взгляд Алекса. — Нормально. А ты? Как твоя девушка?

Последний вопрос звучит чуть громче, чем нужно.

— О, да. Мы помолвились... — он выглядит слишком подавленным для такой новости.

— Да-а... вау, поздравляю.

— Но расстались. Она оказалась ещё не го... — он замер.

Алекс убирает третий стул от нашего столика одним легким движением руки. Медленно подходит ко мне.

— Что ты делаешь возле моей девушки? — Он переводит взгляд на Тима, потом на меня. Желваки едва заметно дёргаются.

Я делаю шаг ближе, вставая между ними, перекрывая путь. Кладу ладонь на живот «своего парня».

— Милый, это мой знакомый Тим. Мы вместе жили в приюте, учились в одном классе.

Тим поднимает руки в примирительном жесте, всё с той же добродушной, немного растерянной улыбкой.

Алекс отвечает не сразу. Секунду смотрит на протянутую руку, затем всё-таки пожимает её — резко, почти демонстративно.

— Приятно познакомиться, Тимон.

— Тим! — в один голос поправляем Алекса в голос.

— Неважно. — цедит тот, притягивая меня к себе за талию.

Глава 9

— У тебя было какое-то мероприятие? — Алекс постукивал пальцами по рулю, отбивая ритм.

— С чего ты взял? — Я чуть приподняла бровь и опустила взгляд на туфли.

— Ну, просто... эм... — Он скользнул взглядом в зеркало и плавно ушёл в обгон.

В салоне повисла тишина, которую нарушало только раздражающее тиканье поворотника. Он завершил обгон, откинулся на сиденье и замер. Локоть лёг на подлокотник, а пальцы машинально коснулись скулы.

— Шикарно выглядишь, — произнёс он, и голос его прозвучал непривычно низко, с хрипотцой, которая отозвалась короткой дрожью по всему телу. Я обняла себя одной рукой, закрываясь, как щитом.

Всего два слова. Обычный комплимент взрослого мужчины. Но память не умела различать настоящее и прошлое — она уже открывала двери, которые я столько лет пыталась держать закрытыми.

— Благодарю. Всего лишь подготовка каталога к ДЖИАФ.

— Точно. Долгожданная... выставка, — ответил Алекс, скользнув по мне взглядом и тут же вернув внимание на дорогу.

Его голос звучал спокойно, но между короткими паузами мне упрямо слышалось что-то ещё. Или это снова говорила память.

— Что? — я уставилась в зеркало в поиске его взгляда.

Алекс смотрел на дорогу и будто между делом повторил тот же вопрос.

— Что?

Настойчивая вибрация доносилась из сумки. Рука метнулась в неё, пальцы скользнули по холодному экрану.

— Алло, Кейт?

— Ты уже уехала? — В голосе прорезались тревожные нотки, дыхание было прерывистым, как после быстрого бега.

— Да, подъезжаю к дому.

— Чёрт!

— Что стряслось?

— Можешь вернуться? Я опаздываю на день рождения мамы. Оказывается, доставка сегодня. — Голос дрожал, в нём слышалась паника и отчаяние.

— Конечно, не волнуйся ты так. Я сейчас вернусь. Поздравь там... — слово застряло в горле, как горькая таблетка. — маму.

— Хорошо, спасибо! Позвони, как всё пройдёт. Они уже едут.

Кейт повесила трубку. Её паника подействовала неожиданно отрезвляюще. Чем больше конкретных дел появлялось вокруг, тем меньше оставалось места воспоминаниям.

Судьба словно специально подкидывала повод выйти из машины раньше. И я ухватилась за него слишком быстро, чтобы считать это совпадением.

— Останови... — голос прозвучал чуть тише, чем хотелось, и я откашлялась, пытаюсь вернуть ему уверенность.

— Останови здесь, пожалуйста. — Я положила ладонь на край сиденья, рядом с плечом Алекса.

От его кожи исходило тепло, коснувшееся кончиков моих пальцев. В салоне раздался тихий шорох кожи, а мои пальцы едва заметно дрогнули от прикосновения.

— Что-то случилось? — спросил Алекс, не отрывая взгляда от дороги, его ладони крепче сжали руль.

— Нет, надо вернуться.

— Я могу...

— Нет, просто высади меня здесь, — опередила я его предложение. Ноготь до боли врезался в кожу.

Машина притормозила и свернула к обочине. Шины тихо зашуршали по асфальту. Раздался лёгкий шелчок разблокировки дверей.

— Может, вызову такси? — Он обернулся, когда я уже поставила одну ногу на асфальт.

— У меня есть телефон, — я крутила его в воздухе.

Чем спокойнее звучал мой голос, тем отчаяннее внутри хотелось просто уйти.

Он посмотрел на меня через плечо, губы дёрнулись — фраза уже была готова сорваться. Но он осадил себя. Челюсть твёрдо сомкнулась.

— Спасибо, — я отвела взгляд и поставила вторую ногу на землю. — Что подвёз. Передай Вероне, что с радостью встречусь с ней ещё раз.

Я захлопнула дверь, не дожидаясь ответа. В лицо тут же ударил холодный ветер, заставляя поёжиться. Пока я шагала к краю тротуара, вводила адрес студии.

«ОЖИДАНИЕ 28 МИНУТ».

— Чёртовы пробки! — я выругалась вслух, не сдерживая эмоций. Прохожие косились с недоумением.

Я опустила руки с досадой, оглядывалась по сторонам. Машина, из которой я вышла пару минут назад, всё ещё стояла.

Где-то внутри, вопреки здравому смыслу, вспыхнула надежда — «Ждёт, когда ты сядешь в такси... Какой заботливый». Я тут же одёрнула себя, почувствовав, как глупо сейчас улыбалась.

«Он скорее листает рилсы своей невесты. Боже, Лина. Ты тут ни при чём».

Это ничего не значило. Вежливость. Ответственность. Обычная человеческая осторожность. Я повторила это про себя несколько раз, словно от количества повторений слова могли стать правдой.

Я искала в избранных контактах «Любовь». Пока ждала ответа, переминалась с ноги на ногу. В туфлях стало тесно.

Один гудок. Второй. Я уже собиралась сбросить, как услышала:

— Да, сладкая. Как фотосессия?

— Всё хорошо. Я почти приехала к дому, но мне надо вернуться обратно в студию. Ты далеко? Сможешь забрать меня? — Я начала оглядываться по сторонам в поисках ориентира.

Резкий толчок в плечо — и телефон вылетел из рук. Он падал, медленно переворачиваясь в воздухе, ударился об асфальт, подпрыгнул... раз... два... и покатился прямо к краю дороги, к потоку машин.

— Простите! — молодой парень выскочил на дорогу за смартфоном. Машины загудели.

— Пожалуйста, простите! — повторял он и протягивал с дрожью мой смартфон.

— Всё в порядке? — спросил Алекс.

Его ладонь осторожно легла на спину, и я невольно отшатнулась. Слишком много всего навалилось, чтобы сейчас позволять кому-то быть так близко. Я тут же попыталась сгладить движение, чуть наклонить голову, будто просто поправляла прядь, а не шараялась от его руки.

Алекс обеспокоенно вглядывался в моё лицо.

— Простите, я просто торопился, — слова парня сливались в один гул, и я кивала, не разбирая.

— Всё хорошо. Это я виновата — стояла тут как истукан, когда все бегут, — выдавила вежливую улыбку.

Парень растворился в толпе, а я осталась рядом с прошлым. Снова.

Дрожь в коленях отступала. Я опустила глаза в телефон. Он отключился, но внешне не пострадал.

— Я всё-таки тебя подвезу. — Он не спрашивал, а ставил точку. И стоял так близко, что перекрывал мне путь к тротуару.

Белое яблоко засветилось на чёрном экране.

— Спасибо, но я уже вызвала такси. Оно, наверное, уже подъезжает...

«Осталось 33 минуты.»

Да вы издеваетесь.

Алекс заглянул в мой экран. Тот начал вибрировать раньше, чем на загорелся контакт «Любовь».

— Да, милый?

— Ты пропала, всё в порядке? — На фоне слышалась сирена и гул машин. — Где ты? Я подъезжаю к району.

Я снова оглянулась, наученная опытом, и отошла к краю тротуара.

— 25-квартал, 5-й дом. Телефон упал.

— Хорошо, три минуты.

Алекс не отходил от меня, загораживая от «летающих» прохожих. Приходилось приложить усилие, чтобы снова посмотреть ему в глаза.

— Спасибо за помощь. Лео уже подъезжает.

— Хорошо, я подожду. Вряд ли он скажет спасибо за то, что я тебя бросил, — он иронично улыбнулся.

Среди городского шума его слова прозвучали неожиданно ясно.

— Ты что делаешь рядом с моей женой?

Ровный голос Лео ударил по натянутым нервам. Плечи опустились первыми. Он улыбался. В уголке рта — та самая полуулыбка.

— Верона просила подвезти соседку, — Алекс переступил с ноги на ногу, чуть отстраняясь от меня, поправил часы.

Вот только она не просила заслонять своей спиной от прохожих.

Иногда обычная вежливость кажется чем-то большим только тому, кто слишком хорошо помнит прошлое.

Лео вышел из машины, а я, чувствуя, как предательски потеют ладони, шла к нему нарочито спокойным шагом.

— Любовь, нам пора, — я поцеловала его в щёку.

Мужчины сошлись в рукопожатии. Ладони ударились плотно, пальцы крепко переплелись — ни один не спешил отпустить. Рука Лео скользнула на плечо Алекса и задержалась там.

— Все системы готовы? — негромко спросил Лео, внимательно глядя на Алекса.

— Последние обновления установлены, серверы дублированы, — ответил Алекс, кивнув. — Защита на максимальном уровне.

Лео слегка наклонил голову, оценивая информацию. Его пальцы чуть сжались на плече Алекса.

Дверь автомобиля захлопнулась за мной, отрезав звуки внешнего мира. Несколько секунд я сидела неподвижно, прислушиваясь к их разговору.

В салоне пахло любимым мужским парфюмом и кофе. Простые, привычные запахи неожиданно возвращали чувство дома.

Спустя пару минут Лео сел в машину, снова поцеловал — приветствуя повторно, но уже чуть нежнее, как обычно происходило без свидетелей.

— Как ты, сладкая? — поворачивая ключи зажигания, он внимательно всматривался в моё лицо.

— Нормально. Нам лучше поторопиться.

— Устала? — Рука Лео потерлась о моё колено, успокаивая каждый натянутый нерв. Только сейчас я поняла, насколько сильно всё это время была напряжена. Словно всё тело наконец вспомнило, что можно перестать ждать удара.

— Безумно...

— Обычно ты шикарная... — задумчиво произнёс Лео, не отводя взгляда от дороги.

— А сегодня что?

— Сногшибательна.

Я смогла лишь усмехнуться и кивнуть вместо «спасибо».

— Заметил, как Александр смотрел на тебя.

— Что? Глупости. — В горле возникло ощущение застрявшей хлебной крошки. Я прокашлялась, прежде чем ответить: — У него молодая красивая девушка, зачем смотреть на других?

Стараясь смотреть куда угодно, лишь бы не зацепиться взглядом с Лео — иначе он сразу всё понял бы.

— Потому что у него есть глаза, — повторил он спокойно, но в этом спокойствии мне почудилась насмешка.

Хотелось засмеяться и закрыть тему. Но смех застрял где-то между сердцем и горлом. Я сжала пальцами прохладную ручку двери, пытаясь зацепиться за что-то реальное.

— Слушай, — голос прозвучал чуть громче, чем нужно, — ты там проконтролируй их, ладно? А то эти грузчики... вечно не туда тащат.

Лео покосился на меня, оценивая мою искренность или просто то, как я сбегала от прошлого разговора. Потом кивнул.

— Ладно. Не переживай.

Дорога до студии заняла меньше времени, чем до дома. Пробки рассосались, и мы доехали раньше, чем приехало бы такси.

Дверь открылась, и внутрь ворвался уличный шум. Я вышла и сразу направилась к фургону, стараясь выглядеть увереннее, чем чувствовала себя.

— Ну наконец. Здравсте. Вот накладная, подпишите, — мужчина маленького роста, но с очень грозным взглядом, протянул мне планшет и свистнул парням. Те вышли из авто и пошли к входу студии.

Лео координировал весь процесс, раздавая короткие, чёткие команды, и грузчики двигались слаженнее.

Я осталась в полупустой студии, когда вынесли пять мелких работ и главную. Пространство сразу стало чужим — слишком много воздуха там, где раньше царил хаос творчества.

На деревянном полу, где стояла главная скульптура, виднелся жирный след от глины. Я села на корточки и провела рукой — сухо. Пальцы скользнули по шероховатому полу, запоминая эту текстуру.

Эта работа изрядно меня помучила, вытягивая силы по капле, и теперь она словно решила не уходить бесследно, оставив этот шрам.

Никогда не замечала, сколько места занимают мои работы. Только когда их не стало, пространство вдруг оказалось огромным и чужим.

Секунды тянулись медленно. Я сидела, уронив голову, уставившись в потертый пол. В голове — пустота.

Всё стало ясно. Или я сама придумала несуществующие знаки, или он действительно ничего не помнил. Результат один — пустота. И в этой пустоте было странное облегчение. Никаких объяснений, никаких оправданий.

Но раскладывать было нечего. Либо я всё придумала, и между нами не было ничего, кроме игры моего воображения, либо он действительно не помнил меня — в обоих случаях

итог один, и от этой одинаковой пустоты становилось даже спокойнее. Не нужно ничего доказывать, не нужно ничего объяснять.

— Хорошо, — прошептала я, и это «хорошо» было не для себя, а чтобы закрыть эту дверь, запереть её на ключ и больше не оглядываться.

Внизу что-то грохнуло — звук был тяжёлый, глухой, от него даже пол под ногами едва уловимо вздрогнул. И следом посыпались ругательства Лео, резкие, без привычной сдержанности. Звук вернул всё на свои места: мир снова стал объёмным, быстрым и требовательным, а тишина, в которой я пыталась спрятаться, рассыпалась на сотни острых осколков.

Подбежав к выходу, я потянулась к ручке, но краем глаза заметила, что свечи на полке стоят хаотично. Их неровные ряды резанули взгляд, и знакомая волна тревоги поползла вверх по спине, заставляя пальцы сжиматься.

«Да брось, Лина, сейчас не время!» — крикнул внутренний голос, но тело уже действовало само. Я медленно повернулась к полке.

Вдох.

Выдох.

И просто начала выравнивать свечи — пока их основания не встали в одну чёткую линию. Как будто если линия будет ровной, то и внутри перестанет всё шататься.

Только тогда я смогла снова взяться за ручку. Дверь распахнулась, и на пороге стоял растерянный Лео.

— У нас ЧП, — не решаясь сказать, что именно произошло, он протянул мне руку и повёл за собой вниз.

Дыхание перехватило при виде скульптуры.

Грузчики стояли с опущенными головами. Даже их бригадир, обычно грозный и непреклонный, сейчас напоминал провинившегося школьника.

Сердце колотилось так, что в ушах шумело, перекрывая даже гул машин. Лео подхватил меня под руку и усадил на капот нашей машины.

— Прости, я не уследил, — Лео провёл рукой по лицу, стирая капли пота со щетины. — Дверь сдуло ветром, парни не успели отреагировать... — его голос дрогнул, а рука бессильно опустилась, ударившись о ногу.

Стена за скульптурой пошла трещинами. Я замерла, всматриваясь в эти линии, которые словно повторяли внутренние разломы.

Наверное, некоторые вещи становятся красивее не вопреки повреждениям, а именно благодаря им.

— Знаешь, а так даже символичнее, — выдохнула я, не отводя взгляда от трещин. — Теперь видно, что он держит эту стену. Что он пытается удержать этот рассыпающийся мир. Даже если сам вот-вот рухнет.